

Магические легенды

ВЛАДИМИР СВЕРЖИН
ДЖЕЙ МАКАЙРИН

ЗМЕЯ В ИЗГОЛОВЬЕ

Annotation

Этот великолепный кристаллический цветок, именуемый древними Ратгарна, явился людям еще во времена фараонов. И уже тогда отыскался мудрец, решивший надежно спрятать его от чужих глаз. Однако даже самое надежное укрытие со временем перестает быть таковым. И человеческая драма, песчинка на весах истории, может сорвать настоящую лавину. На пути этой лавины становится таинственная организация хранителей, которая со времен крестовых походов принимает на себя основной удар пытающегося ворваться в этот мир воплощенного зла. Части распавшейся Ратгарны — вовсе не милые сувениры, какими могут показаться, и люди, взявшие их себе, одновременно принимают нелегкий жребий. Но что будет, если собрать древний артефакт целиком? И чего на самом деле желают те, кто пытается это сделать?..

Владимир Сержин

Змея в изголовье

© Сержин В., Мак Айрин Дж., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Саид остановил коня и спрыгнул наземь. Его внимание привлек камень, что был недавно перевернут и темнел среди более светлых, спозаранку высушенных палящим солнцем. «Так и есть, — подумал юноша, внимательно оглядывая след, — здесь ее конь упал от усталости». Он перевел взгляд чуть в сторону: на сером песке меж камней едва проглядывала вмятина, какую оставляет человеческая пятка, если ее обладатель что-то с силой тянет. «Пятка узкая и, — он поглядел на примятые травинки меж камней, — нога маленькая». Так что, если владыка небес не решил над ним подшутить, он близок к цели. Это та, кого он ищет. Саид ясно представил, будто увидел, как девушка силится поднять на ноги рухнувшего коня. Вон он лежал, камни вдавлены в песок.

Саид покачал головой. Конечно, ему, с малолетства выросшему при храме, не было дела до жизненных перипетий джуххаль, не сведущих в вере, и уж тем паче до франков-иноверцев. И все же... что могло заставить девушку, судя по следу, невысокую и хрупкую, мчаться целый день, загоня скакуна, не обращая внимания на палящий жар, на пыль, забивающуюся в рот и нос, заставляющую глаза плакать помимо воли? Ну да это не его дело. Его дело — отыскать беглянку и вернуть отцу.

Ясно, что по своей воле он бы не стал за ней гоняться. Но так велел Джемаль, а слово аджавида, совершенного хранителя священного храма, все равно что воля небес. По сути, так оно и есть: аджавид Джемаль — земные уста Создателя Истины.

И все же, рискуя навлечь на себя гнев аджавида, тогда он не удержался от вопроса:

— О, хранитель Завета, как же смогу я исполнить порученное мне, когда наши правила запрещают мне прикасаться к женщине и даже разговаривать с ней?

— Так и есть, мой мальчик, похвально, что ты послушен закону. Но, исполняя волю настоятеля, ты обязан совершить беспрекословно любое деяние, пренебрегая иными запретами. Ибо как есть одежда для всякого дня и одежда для служения, так разные правила существуют для разных случаев.

Саид молча склонился перед мудрым старцем, решив не задавать больше вопросов. Однако Джемаль все-таки счел нужным объяснить:

— Она дочь кади из ближнего селения, того самого, откуда в башню привозят снедь. Она виновна в дерзости и непослушании. Ей нет прощения. Капризной девчонке вздумалось перечить отцу, нашедшему ей хорошего жениха. Но отчего-то мудрый кади решил не карать ее за побег, а лишь вернуть под отчий кров. Не сомневаюсь, глупая девица уже одумалась, ибо после мягких ковров и фиников, после чистой воды и тенистых пальм ее удел теперь — мрачные горы и жаркая пустыня. Неразумная бунтовщица заслужила этот урок.

Езжай, найди ее, покажи вот этот перстень, — Джемаль поднялся с высеченного в камне сиденья, похожего на трон. — Видишь, на нем выгравирована султанская тугра — знак власти ее отца. Это залог того, что почтеннейший кади прощает свою непутевую дочь. — Он протянул Саиду черненый серебряный перстень. — Не мне судить мирян, но я считаю, что это оплошность. — Саид молча кивнул. — Я вижу, ты хочешь что-то спросить, — вперив в молодого стража пронзительный взгляд почти черных глаз, тихо проговорил аджавид.

Саид опустил взгляд, пряча радость, смешанную с гордостью. Такое щекотливое поручение говорило о многом: простого стражника мудрейший Джемаль не стал бы посылать туда, где скопища шайтанов угрожают душе истинно верующего. А значит,

верховный хранитель возлагает на него особые надежды, выделяет среди прочих молодых стражей и, возможно, желает приблизить к себе, чтобы сделать одним из посвященных! От такой перспективы у него радостно заколотилось сердце. Однако запоздалая мысль обожгла, будто удар витога бича: «Что, если я не справлюсь? Я понятия не имею, как обращаться с женщинами. Но сколько раз приходилось слышать, что каждая из них — гнездилище порока и смертельный искус для мужчины!»

— Прошу простить, если омрачаю твой дух пустыми сомнениями, только что мне предпринять, если беглянка не пожелает возвращаться?

— Саид, — в голосе старца зазвенела сталь, как в те давние годы, когда он командовал отрядом стражи на страх разбойникам, промышлявшим на ближних караванных тропах, — отыщи и привези!

Молодой воин, кланяясь, вышел из потаенной залы. Больше всего в жизни он желал сам когда-то занять место просветленного наставника истины, однако путь к этому был долог и непрост. Для этого мало быть отличным следопытом и поражать летящую птицу первой же стрелой. Одному Творцу ведомо, когда сумеет он стать опытным настолько, чтобы водить отряд стражи, бдительно охраняющий от разбойников ближнюю округу. Поставят ли его во главе всей явной и тайной стражи древнего святилища?

Только после этого он станет уккаль — знающим, допущенным к служению реликвии, хранимой в стенах монастыря, достойным приобщения к ее величию. Лишь тогда... Если очень повезет... Если мудрость его будет сочтена высочайшей и вера признана безупречной... он будет избран хранителем тайны тайн. А до того... до того он знает лишь, что святыня требует беззаветного служения, и этого довольно.

Саид огляделся: красные склоны гор все более темнели и покрывались черными складками. Скоро ночь.

«Конь загнан, ему нужно отдохнуть. Девушка, если, конечно, иблис окончательно не лишил ее рассудка, не решится идти ночью, ведя коня в поводу. Тем паче скоро выйдут на охоту волки. На вооруженного всадника они нападать не станут, а на усталую девушку с обессиленным конем очень даже могут. Тем более если голод согнал вместе трех, а то и четырех зверей. — Саид точно с высоты птичьего полета представил себе окрестные земли. — Пожалуй, она постарается укрыться в Драконьем ущелье». Он поежился.

Поднявшийся с полудня ветер усиливался. Темнобрюхие, будто извалянные в пыли, слоистые облака с изорванными в клочья серыми краями надвигались, превращаясь в небесных чудовищ, хищных демонов пустыни. Еще недавно они лениво, словно овцы в бескрайнем синем поле небес, медленно брели неведомо куда. Но сейчас и самому быстрому скакуну не угнаться за ними. Мрачные тучи несутся, пришпоренные сполохами далеких молний, каждый миг изменяясь и пугая опытного наблюдателя — надвигается песчаная буря. Молодой воин утер пот со лба: «Следует поторопиться».

Словно подтверждая его мысли, ветер рванул еще сильнее, едва не сорвав широкий бурнус с его плеч. Саид подхватил его, не дав улететь, вскочил на встревоженного коня, нервно бьющего копытом, и ударил коленями по бокам скакуна.

Молодой воин оглянулся на почти отвесные склоны гор. Еще недавно радовавшие глаз чередованием красных и черных полос, сейчас они возвышались непроницаемой темной громадой. Как будто несущиеся по небу тучи разбиваются о них, оставляя на память мрачный след. «Надо спешить!» — Саид пустил коня в галоп. Умный скакун, выросший с самого жеребьячьего возраста под неусыпной опекой воина, чувствовал каждое его

прикосновение и, подобно верному псу, отзывался на свист.

В этот миг благородное животное не хуже человека понимало, какая опасность грозит им обоим, и мчалось, спеша успеть к укрытию до того, как бездушная песчаная волна накроет испуганно замершее предгорье, сокрушая все живое, хороня без следа всякого, кто имел неосторожность встать у нее на пути.

Драконье ущелье — широкий разлом, возникший еще в те далекие века, когда земля сотрясалась, будто в лихорадке, от катаклизмов, менявших лицо планеты, иссушающих моря и воздвигающих горы. Оно появилось словно вдруг: широкой расщелиной в камнях, извиваясь меж обрывистых берегов, точь-в-точь пересохшее русло некогда бурного, но давно сгинувшего потока. Лишь в сезон дождей здесь скапливалась вода, да и то в самых глубоких местах она не доходила и до пояса. Сейчас воды не было. Да она никогда и не задерживалась тут надолго.

Постепенно углубляясь, дно ущелья вдруг будто срывалось в глубокую пропасть. И лишь узкая тропка-карниз позволяла человеку идти дальше. Для коня это место было непроходимо, так что дальше мятежной дочке кади не пройти. На ее счастье как раз поблизости имеется небольшой грот. Если беглянка его заметит — она спасена. А нет — какая разница, все равно он поймает ее. Из Драконьего ущелья иначе не выбраться!

Он сам пока не знал, что будет говорить неведомой ему девице с красивым именем Амина. До сего дня он видел девушек лишь издали, наблюдая, как в недалеком оазисе они набирают воду из благословенного источника, бьющего среди камней. Они казались ему неземными созданиями, таинственными и непостижимыми. Ничего из его нынешних знаний и умений не могло подсказать воину, как вести себя с беглянкой. Ничего из его прежнего опыта. Впрочем, велик ли был этот опыт?! Он помнил лишь мягкие нежные руки матери, ее долгие ласковые песни. Но чем дальше отматывало время свою бесконечную нить, тем больше все это казалось ему волшебным сном. Он чувствовал только смутное волнение, легкую дрожь в предвкушении неведомого.

Саид быстро спешил и повел коня в поводу. Мчать без оглядки дальше было опасно. Наносной песок и каменные осыпи всякий день изменяют дно ущелья, так что знакомой тропы тут и быть не может. Неосторожный шаг — и конь упадет, может сломать ногу. Тогда молись, чтобы самому добраться живым до людского жилья. Преследователя неожиданно кольнула мысль: «Знает ли об этом беглянка? Вряд ли за свою недолгую жизнь она выезжала куда-нибудь из дома так далеко, а если и выезжала, то в сопровождении отца и братьев. И, конечно, не в эти дикие земли. Что это ей вдруг вздумалось...?»

Он вдруг поймал себя на мысли, что невесть почему беспокоится о незнакомой девушке, и тут же одернул себя: как же так? Ему о ней не то что не следует думать с состраданием, но и вообще думать запрещено! Она провинилась, и ей нет прощения! А если мудрый судья кади решил по-другому, то он отец и в своем праве. А его послали привести ее к кади точно так же, как доставил бы к нему пойманную на охоте лань. Единственная разница — эта «козочка» должна остаться живой и здоровой. Так велел наставник, а стало быть, такова воля неба.

Саид шел поспешно, хотя высокий склон и защищал воина от первых порывов песчаной бури, но, как бы то ни было, стоило укрыться и переждать. Хорошо, если беглянка отыскала пещеру, если же нет — придется вернуться с пустыми руками и доложить, что волей Создателя несчастная оставила этот мир. Ему вновь стало отчего-то ужасно жалко взбалмошную девчонку, и он снова одернул себя, но вдруг услышал вдали испуганное, а затем

отчаянное ржание коня.

Завывающий над головой ветер почти совсем заглушил его, но Саиду послышалось, что за ржанием последовал человеческий крик. «Ну конечно! — обожгло его недоброе предчувствие. — Как я мог надеяться на лучшее? Глупая девчонка не пожелала остановиться, полезла на карниз. А дальше...» Он не хотел думать о том, как срывается вниз конь и девушка летит в смертельную пропасть, даже не успев высвободить ноги из стремян. Но картина гибели красавицы помимо его воли упрямо вставала перед глазами. Саид понятия не имел, действительно ли она хороша собой, но за годы, проведенные в святилище, он иногда, пусть только издали, видел женщин, и все они представлялись ему таинственными и прекрасными. И уж конечно, эта была самая необычная из всех.

Еще бы! Не всякий мужчина решится идти в пустыню, даже опытный караванщик рискует здесь пропасть без вести в такой песчаной буре или сломать шею на одном из горных обрывов. А тут какая-то девчонка! Он перешел с шага на бег, надеясь, что еще сумеет помочь несчастной. Конь тоже перешел с шага на легкую рысь, спеша за хозяином. До предательского карниза оставалось совсем немного, когда тренированный глаз воина заметил тень, метнувшуюся в темный провал. «Это же пещера!» — сообразил молодой хранитель древней святыни. Карниз начинается шагов через тридцать. Там и в ясную-то погоду пройти можно только бочком, держась руками за выступы в скале. Но размышлять дольше не было ни времени, ни смысла.

Он метнулся вслед за фигуркой, исчезнувшей в темном провале, и у самого входа в пещеру услышал:

— Остановись или я убью себя!

Голос, которым были произнесены слова, был куда приятней, чем их смысл, но крик, Саид понимал это, был криком отчаяния. Что бы он себе ни придумывал по дороге, какие бы слова ни подбирал, сейчас все это не годилось. Подобно тому, как загнанная в угол крыса бросается на кота, беглянка в этот миг утратила разум, и слова увещевания стали бы пустым звуком. Медлить нельзя! Здесь была та, за кем он следовал с самого утра и до заката, чьи следы выискивал и разбирал так тщательно и скрупулезно.

Значит, пришло время действовать: во исполнение приказа мудрейшего Джемаля он должен был решиться на мысленную оговорку — такую, ибо в этом есть великая польза, даже размышлять о которой для него грех. Что бы там ни надумала сумасбродная девица, приказ должен быть исполнен, даже ценой жизни.

— Но если я не войду, то погибну! — с испугом и даже с мольбой в голосе прокричал Саид. — Кем бы ты ни была, я не причиню тебе зла. Но там, наверху, начинается песчаная буря...

— Тебя послали за мной? — будто не слыша слов юноши, выкрикнула беглянка. — Кто? Отец? Или тот вислобрюхий шакал, которого, на беду, он избрал мне в мужа?

— Я не ведаю, кто ты и о чем говоришь. Я воин-хранитель из святилища, что на горе близ древних копий Сулейман-мелика. Я был в дозоре, когда заметил приближение бури. Прошу, спрячь оружие, иначе я и мой конь погибнем!

— Ты говоришь правду?

— Во имя Аллаха милосердного, поверь мне! — выкрикнул Саид, не отвечая на вопрос. — А если не веришь мне, то спаси хотя бы коня.

Это была своего рода уловка: лишенный хозяина скакун все равно бы привез беглянку к святилищу, ибо с детства был приучен находить дорогу и возвращаться туда. Конечно же,

девушка об этом не знала и, пораженная такой самоотверженностью, спрятала за широкий пояс искривленный, будто львиный клык, отточенный кинжал джамбию. Удовлетворенный результатом, Саид повернулся, свистнул, призывая скакуна, и поднялся в пещеру к девушке. Конь начал медленно подниматься по осыпи и в конце концов улегся у самого входа, закрывая узкий проем своим мощным телом.

— Его не засыплет? — встревоженно спросила девушка, глядя на легконогого вороного красавца.

— Этот камень, нависающий над пещерой, направит поток ветра и песка выше коня, — устало прислонясь к каменной стене, отозвался воин и, в свою очередь, спросил, чтобы как-то поддержать разговор: — Когда я добирался сюда, слышал конское ржание. Это твой?

— Был мой, — утирая слезу, тяжело вздохнула незнакомка. — Увы, на горе мне, когда я забиралась сюда, из пещеры вылетели две большие черные птицы. Конь испугался и понес, а дальше пропасть.

— Плохо, очень плохо. Как теперь без коня? А птицы — это карачуны-змеееды, вон их гнездо, — Саид указал на каменный уступ. — Редкий гость в наших краях. Одно хорошо — кобр можно не опасаться.

— Какая разница теперь? — всхлипнула девушка, обреченно закрывая лицо руками. — Быть может, змея была бы сейчас лучшим исходом. Кобра не заставляет свою жертву долго мучиться. А вот родной отец, говоривший, что любит меня, обрек единственную дочь на годы мучений! Горе мне, несчастной!

Сердце молодого воина заколотилось часто, требуя встать на защиту бедной девушки. Он уже живо представлял себе коварного седобородого кади, за пригоршню дирхемов желающего продать это небесное создание в гарем какого-то ненасытного чудовища. Конечно, не его дело вмешиваться в мирские дела, но больше всего на свете ему хотелось сейчас полоснуть саблей по горлу злодея, задумавшего обречь рыдающую в шаге от него несчастную на годы слез и страданий.

Саид, пьянея от собственной наглости, от осознания совершаемого греха, протянул руку и коснулся девичьей щеки.

— Не плачь, не надо. Аллах милостив, он не оставит того, кто искренне взывает к нему. Ты пыталась сбежать из дома, но он отнял у тебя коня, чтобы ты не могла этого сделать. Такова его воля. И ни ты, ни я не изменим ее. Однако он не оставил тебя заботой, ибо направил сюда меня.

Девушка утерла слезы со щеки и глянула на собеседника глазами, полными надежды.

От этого взгляда у Саида разум стал туманиться, как будто он провел с непокрытой головой на солнце несколько часов кряду.

— Когда мой Ар-рих Аль-асвад умчался навстречу гибели вместе со всеми припасами еды и воды в переметных сумах, я уж было подумала, что Аллах и меня обрек на верную смерть. Но, наверное, ты прав, он послал тебя, и это добрый знак. — Она коснулась замерших у ее щеки пальцев юноши, и тот в испуге отдернул их, вызвав у красавицы невольную улыбку.

Саид промолчал, потупил глаза, чтобы скрыть бушующий в сердце пламень. Стараясь не глядеть на девушку, он вытащил из седельной сумы огниво, кожаную флягу и лепешки с козьим сыром.

— Воля Аллаха известна лишь Аллаху, — не поднимая глаз, буркнул он. — Здесь немного еды и вода, а гнездо этих птиц послужит нам топливом для костра. — Страж

отошел и вскоре вернулся с гнездом в руках. — Нам повезло, здесь яйца, мы запечем их.

— Не знаю твоего имени, но что бы я делала без тебя?!

Юноша едва не задохнулся от этих слов и с трудом, будто на языке лежал увесистый камень, представился:

— Саид, Саид ибн Назир.

Его глаза уже вполне привыкли к темноте, и он прекрасно видел девушку, которую вскоре предстояло обманом доставить в дом старого кади, ибо, увы, такова была воля премудрого Джемала: тонкое лицо, большие глаза, отточенные стрелки бровей, устремленные к вискам, изящны; прямой нос, чуть-чуть пухлые губы, к которым с неодолимой силой тянуло прильнуть своими обветренными растрескавшимися губами, как умирающему от жажды — к источнику холодной родниковой воды. Он с трудом отвел глаза, сжал в замок пальцы, едва сдерживаясь, чтобы не схватить за ее тонкую талию и не прижать девушку к себе. Он не должен был делать этого, не смел.

— Расскажи лучше, кто ты и как очутилась здесь, в этих страшных местах? — борясь с искушением, выдавил юноша.

— Я Амина, дочь кади из Аль-Нузы.

— Мне доводилось видеть твоего отца. Весьма почтенный человек, — негромко отозвался Саид, подсаживаясь вплотную к девушке. Та будто не заметила этого или, что более вероятно, сделала вид, что не заметила.

— Так и есть. Все годы жизни я полагала, что нет добрее и мудрее человека, чем он. Но, должно быть, иблис лишил разума и отобрал у него сердце, раз он решил выдать меня замуж за сына караванщика Мустафу Валида! Это чудовище, от которого даже верблюды шарахаются безлунной ночью! Караванщик несметно богат, но сын... Поговаривают, его мать, перебрав араки, согрешила с горным дэвом, явившимся ей в образе рогатого змея. И плод их страсти... — Девушка передернулась от омерзения. — Словом, я сказала отцу, что скорее умру, чем выйду за этого толстого, слюнявого, кривоzubого выродка Мустафу. Отец велел меня запереть, чтобы я не смела перечить его воле. А я... — Она вздохнула: — И вот я здесь.

— Но как так можно? — неподдельно ужаснулся Саид, представляя на месте едва известного ему кади мудрого старца Джемала. — Ведь он твой отец, его воля — воля небес!

— Конечно, можно! — взвилась девушка. — Или ты думаешь, что я вовсе не человек и не могу чего-то желать или не желать?

— Желать можно, однако послушание и смирение подобают тому, кто хочет удостоиться милости Аллаха.

— Я не щенок и не жеребенок, которого можно подарить кому вздумается или купить за десяток монет!

— Уверен, что отец желает тебе только лучшего.

— А если так, то почему он не желает слышать меня? Для меня лучше смерть, чем такой муж! — Она вскочила, едва не опрокинув флягу. — Я сама желаю распорядиться своей участью.

— Но такого не бывало нигде и никогда. Женщина должна повиноваться, вести дом и растить детей. — Голос молодого воина дрожал, но не от возмущения, которое должно было в этот миг объять его душу, а от неуверенности, от сомнения, невесть откуда закравшегося в сердце. Конечно, древний уклад жизни был выверен многими поколениями и с абсолютной ясностью определял, что хорошо и что плохо для правоверных. Но все же, быть может, как

раз именно эта девушка являла собой невероятное исключение?! Ведь каждый верующий помнит царицу Сабы, которая сама избирала себе мужа и сочла достойным себя лишь мудрейшего Сулейман-мелика. И коль душа после смерти переселяется в новое тело, кто знает, быть может, перед ним новое воплощение повелительницы Сабы?!

— Так говорят лишь те, кто ничего не видит дальше собственной тени! Мой дед еще помнил времена, когда жена мелика франков, Альенор, прибыла в наши земли с отрядом из одних только женщин. Это правда! Чистая правда! И, по словам деда, она сражалась не хуже мужчин. Если она посмела распорядиться своей жизнью, то почему я не смею распорядиться своей? Я не хочу никого вести в бой, я просто не желаю быть женой чудовища! Разве я хочу многого?!

Саид едва сдержался, чтобы не закричать: «Нет! Конечно, нет!» Но девушка, казалось, даже не обратила на это внимания. Молодой воин отхлебнул воды, стараясь как-то загасить огонь прежде неведомой ему страсти. Красавица вдруг застыла на месте, вперив в собеседника долгий, будто изучающий, взор. Саиду казалось, что все тело его трепещет, так что он едва смог проглотить воду, застрявшую в горле.

— Я думаю, Аллах не зря послал тебя мне в помощь, — вдруг каким-то очень нежным приглушенным голосом проговорила беглянка. — Он на моей, а вернее, на нашей стороне. Ты молод, силен, ловок, несомненно, храбр и, пожалуй, хорош собою. Если ты станешь моим мужем, я уж никак не смогу стать женой несносного Мустафы.

— Я?! — нелепо протянул Саид. — Но как же? Я же...

Она присела и обхватила его шею руками:

— Послушай, послушай меня, Саид ибн Назир. Кто поверит, что мы провели ночь вот так рядом и не стали близки, как муж и жена?! Даже если завтра люди моего отца поймут нас, я объявлю во всеуслышание, что ты мой муж.

— Но мне не подобает даже и думать о женщинах! — в ужасе выкрикнул хранитель тайного святилища.

— Аллах выше закона и всякого запрета! Мы здесь, ты и я. И ты думаешь обо мне, — томно проворковала девушка, обжигая собеседника жарким дыханием. — Я вижу, я чувствую это! То, что должно случиться, непременно случится по воле Аллаха! Я знаю, я читала об этом в повествованиях «Тысячи и одной ночи». Приди же ко мне и не оставляй меня ни сегодня, ни впредь! И ты и я нарушили запрет. Но как нельзя войти в дом, не открыв дверь, так и здесь... — Она обвила мускулистую шею воина тонкой рукой и зашептала отчаянной скороговоркой: — Дальше все будет хорошо! Все будет замечательно! Когда закончится буря, мы вместе пойдем в Бир-эс-Сабу! Мы падём на колени и будем умолять праведного шейха соединить нас перед Богом и перед людьми!

Саид почувствовал, как мутится его разум. Он хотел вскочить, шарахнуться прочь от наваждения, но тело, всегда безропотно повиновавшееся приказам мозга, словно взбунтовалось и не сдвинулось ни на волос. Легкое сладостное дыхание красавицы обжигало его, но дарило никогда прежде не ведомые радость и блаженство. Их губы слились в поцелуе и разъединились лишь под утро, когда рассветная прохлада начала пробираться нагие тела.

Ласковые, еще совсем не палящие лучи утреннего солнца гладили землю, точно успокаивая ее после ночного кошмара. Сейчас, в полном безветрии и легкой прохладе, жизнь казалась уже совсем не такой ужасающей, как в полночь, под завывания не на шутку разыгравшейся песчаной бури. Проснувшись, Саид лежал, боясь открыть глаза, купаясь в

ощущении ее теплого тела, прильнувшего к нему, мысленно разглядывая обнаженную красавицу, раскинувшуюся на его плаще. Его ладони заныли, требуя нежных прикосновений к шелковистой коже девушки, и сердце зазвучало, будто гонг, призывающий воинов к схватке. Но вот Амина пошевелилась, просыпаясь, и он, уже возвращая над собой власть, встал, чтобы одеться.

«Как же так, — крутилось у него в голове, — я нарушил запрет, коснулся женщины, обладал ею, будто муж, и что же?! Почему небеса не разверзлись и молния не испепелила меня за святотатство?! Но ведь я исполнял приказ Джемалю... — быстроногой ящеркой мелькнула в голове спасительная мыслишка. — Не ври себе, этой ночью тебе не было дела ни до Джемалю, ни до его приказа! Ты забыл о своем долге, значит, проклят и обречен!»

— Теперь в селение мне возвращаться нельзя, — нимало не смущаясь наготой, проговорила девушка. — Как же это вдруг Амина, дочь кади, и вдруг так опозорила свой род!

Саид отвел глаза, мучительно стараясь перестать любоваться лицом и телом подруги.

— Свет очей моих, ты ведь не оставишь меня? — продолжила нежно мурлыкать девушка.

Юноша мотнул головой, горло перехватило, будто удавкой, места для слов уже не оставалось. Он быстро, как делал это всегда, начал одеваться. Она испытующе смотрела на него, скрыв плечи и грудь под легкой полупрозрачной накидкой. Саид поспешно схватился за кушак, и в тот же миг массивный перстень с султанской тугрой выпал наземь, едва не ударив его по ноге.

— Что это? — Амина наклонилась к блеснувшему предмету и тут же отпрянула, узнав отцовское кольцо. — Так, значит, все ложь! Это все же отец послал тебя? Говори, он?! Я узнаю этот перстень! — Она выхватила из лежавших у изголовья ножен отточенную джамбию, вскочила и напряженно встала у стены, яростно сверкая глазами. — Не подходи! — недобро процедила она.

— Постой! — Саид протянул к ней руки: — Послушай меня.

— Этой ночью я уже послушала! Лжец, ты обманул меня! Ты воспользовался моей слабостью!

— Все не так, как ты подумала! — Голос молодого воина был негромок, напевен, и самый бдительный слушатель не услышал бы в нем и тени неуверенности. Правая рука воина, подобно кобре с раздутым капюшоном, покачиваясь, скользила перед глазами девушки, заставляя ее неотступно следить за отвлекающим движением. — Твой отец не мог послать меня, даже если бы очень захотел. Тебе не хуже моего известно, что кади не распоряжается храмовыми стражами. Лишь аджавид Джемаль мне указ. По его слову я искал тебя. Он велел найти тебя и сопроводить к нему. Верь мне, я говорю правду.

Глаза девушки неотступно следили за рукою-коброй. В эти мгновения Саиду ничего не стоило сделать легкий полушаг вперед, перехватить запястье вооруженной руки, жестко, как учили, ударить ребром ладони, выбивая оружие, а затем скрутить девушку, точно пойманную лань, и доставить мудрейшему Джемалю, как и было приказано. Вчера он так бы и сделал. Но вчера осталось позади, даже когда душа его, переродившись, обретет новое тело, он не сумеет заново прожить прошедшую ночь.

— Послушай меня, я никогда никого не любил. Поверь, ты первая и единственная для меня, сколько бы Творец Небесный ни отмерил мне лет или дней. Мы с тобой пойдем в Бир-эс-Сабу! Я знаю где, неподалеку отсюда, стоит полуразрушенная старая башня, там есть источник. Воды, правда, немного, но для нас двоих хватит с избытком. Я знаю, где можно

выйти на караванный путь, раздобыть еды и еще одну лошадь. Затем я спрячу тебя в башне, а сам вернусь в святилище и во всем откроюсь мудрейшему Джемалю. Я скажу ему, что больше не могу быть хранителем, ибо нарушил запрет и не достоин этой высокой чести. Конечно, он не будет этому рад, но вряд ли повелит лишиться меня жизни. Скорее всего, отправит в изгнание. И я тут же примчусь к тебе! Если же нет, — Саид тяжело вздохнул и опустил голову, понимая, что изгнание — решение отнюдь не самое вероятное, — если я не вернусь спустя три дня, отправляйся в Бир-эс-Сабу одна. Дойти будет нелегко, но я научу тебя, как не сбиться с пути.

Девушка вернула кинжал в ножны.

— Ты говоришь правду?

— Я мог обезоружить тебя и скрутить в любой миг, но не сделал этого. Верь мне, о цветок души моей!

— Зачем тебе возвращаться в храм? Ты мог сгинуть в песчаной буре, как и я. Если мы не появимся, все так и решат. Пойдем в Бир-эс-Сабу сейчас, нынче же.

— Я не могу так, — уперся Саид. — Я повел себя недостойно и должен понести наказание. А ты должна жить. Ты должна быть счастлива, несмотря ни на что!

Он подошел к своему коню, лежащему, поджав ноги, у самого входа, и начал выводить его из временного убежища. Тренированное животное с негодованием заржало, возмущаясь теснотой и неудобством вынужденной ночевки. Саид ласково похлопал его по серой от пыли шее. Конь недовольно фыркнул, но, тряхнув гривой, избавляясь от песка и пыли, успокоился.

Воин осторожно выглянул наружу и возблагодарил Творца, что тот дал ему вовремя найти убежище: ночная буря засыпала дно ущелья толстым слоем песка. Местами, там, где «драконий след» шел извивом, песок набился выше человеческого роста. Довольно пологого склона, позволявшего еще вчера без особого труда подняться вместе с конем ко входу в пещеру, сейчас попросту не было видно. Буровато-серая песчаная масса, подгоняемая легкими порывами ветра, струилась, обтачивая камни. Саид пожалел, что у него нет с собой пики и нечем промерить безопасный путь.

— Нужно подождать, — он повернулся к Амине. — Сейчас идти опасно, к вечеру весь песок унесет, тогда и пойдем.

— Но если ты нашел меня, что помешает другим прийти искать сюда же? — Она прислушалась. Над ущельем доносились недовольные крики чернокрылых змееедов. — Пожалуй, они укажут погоне, что мы здесь укрылись. К тому же у нас заканчивается вода. А там, в старой башне, о которой ты рассказывал, она есть.

— Да, без воды будет туго, — согласился молодой воин, понимая, что если на двоих воды из его фляги худо-бедно хватит, то конь — не верблюд-дромадер, его на день без питья оставлять нельзя. — Ладно, я попробую разведать путь. Сидите пока здесь.

Он снял с седла длинную веревку, сплетенную из конского волоса, обмотал один конец ее вокруг запястья, другой же закрутил узлом вокруг седельной луки.

— Если вдруг что, тяни изо всех сил. Иди сюда, ложись прямо на спину коню — так, на рывке мне вас не сдернуть и не увлечь за собой.

Саид еще раз, будто желая насмотреться, долгим взглядом поглядел на красавицу. Ему очень хотелось вновь сжать ее в объятиях, покрыть страстными поцелуями ее лицо и все тело. Но он резко отвернулся, отгоняя искусительное наваждение, — следовало действовать, и действовать безошибочно. Амина безмолвно повиновалась и схватила веревку, так что длинные ее ногти впились в ладони.

Саид осторожно, тщательно нащупывая каждый шаг, каждое новое место, куда должна была ступить нога, вышел из пещеры. Но тут крючконогая птица, выставив для атаки острейшие когти, метнулась ему прямо в лицо. Он крутанулся, сбивая ее рукой в полете, но тут же вторая бросилась ему на затылок. Саид отскочил в сторону, уклоняясь от разъяренного карачуна, и тут же с головой, как в воду, ушел в зыбучий песок, продолжая держаться за натянутую веревку.

Свет померк перед его глазами, и грудь сдавило в немом крике. Он попробовал хоть немного подтянуться, держась за веревку, однако такая легкая на вид, почти невесомая пыль лежала на нем вязкой грудой, не давая шевельнуться. «Неужели все?» — подумалось Саиду. Он чувствовал, как последние глотки воздуха уходят из груди. Успел подумать, что, в общем-то, прожил жизнь достойно, а в конце ее был счастлив. Если суждено было понести наказание за свое преступление, возмездие не заставило долго ждать. В этот момент ему вдруг стало как-то радостно: он представил себе, что скоро душа его воплотится в новом теле. Однако до того мига он будет умолять Всевышнего пустить его охранять Амину, дабы ни человек, ни иблис не смели угрожать ей... Он еще силился поднять руку, но как ни старался, не мог сделать этого. А сверху слышался надсадный девичий крик:

— Нет! Не умирай!

Девушка тянула веревку что есть сил, но без всякого результата. Взбудораженный криками арабчак, нелепо пятясь, выкарабкался из пещеры, стал на дыбы, отпугивая кружащих змееедов, и сам завалился на бок, сопровождая падение недовольным ржанием. Новая куча песка сорвалась с козырька над пещерой. Саид услышал только глухой толчок сверху и, не ведая, на что и рассчитывать, постарался как можно экономнее выдохнуть оставшийся в легких воздух.

Он не видел и не мог видеть, как Амина, сделав правильные выводы из падения коня, змеей выползает из пещеры и, лежа на песчаной груде, обеими руками копает песок в том месте, где исчезала в серой массе прочная веревка. Ее счастью не было предела, когда скакун, неторопливо поднявшись, нащупал каменистое дно и начал медленно, осторожно тянуть вперед, вытаскивая хозяина из песчаной ловушки, будто застрявшую в теле занозу.

Когда горячие легкие пальцы коснулись лица Саида, он было подумал, что уже попал в царствие небесное, однако в этот миг его неожиданно хлестнули по щеке, затем по другой.

— Очнись, очнись, хабиб! Очнись, счастье мое!

Саид с трудом приоткрыл запорошенные глаза. Над ним склонился не ангел, но и тысяче ангелов он предпочел бы ту, что увидел сейчас.

— Хвала Аллаху, ты жив!

Убедившись в столь отрадном факте, Амина с удвоенной энергией принялась откапывать молодого воина.

— Ты спасла меня, — прошептал Саид, с трудом размыкая уста. — Я уже подумал, что умер.

Глаза красавицы блеснули.

— Да, ты умер и рожден вновь. И эта жизнь не принадлежит храму, она принадлежит мне. Отдохни немного, и мы нынче же отправляемся в Бир-эс-Сабу!

Солнце поднималось все выше, и Саид с досадой глядел на него. Если бы не его нелепое падение, если бы имелся второй конь, они бы давным-давно уже добрались до развалин старой крепости. Но так, ведя коня в поводу, сильно не разгонишься, а значит, они придут

туда еще не скоро. А солнце припекает все жарче, и воды в кожаной фляге все меньше. Во что бы то ни стало надо отыскать место для привала, иначе... О том, как может быть иначе, он даже и думать не хотел, а уж делиться с Аминой своими опасениями и тревогой и подавно.

Он шел, украдкой облизывая пересохшие губы, стараясь не сбавлять ход, всем своим видом демонстрируя спокойствие и уверенность. Разыскивая место, хотя бы минимально подходящее для привала, он рыскал усталым взглядом по окрестным холмам. Тени от предметов становились все короче, вздымаемый порывистым ветром песок хлестал по лицу, и едкий пот заливал глаза. На счастье, песчаная равнина, казавшаяся бесконечной, сменилась каменистой, и ноги больше не тонули по щиколотку при каждом шаге. Саид молил Бога о каком-нибудь самом крохотном гроте, хотя бы расщелине, над которой можно было бы растянуть широкий дорожный плащ. До старой крепости оставалось немного, но это «немного» еще нужно было пройти.

— Потерпи немного, свет очей моих! — Саид повернулся к Амине. — Скоро у нас будет тень и вода, у меня в запасах есть немного муки — испечем лепешку прямо на камнях. Знаешь, какая это башня? — начал он, чтобы отвлечь возлюбленную от мрачных мыслей. — Ее разрушил сам Искандер Великий. Говорят, в ней скрывался последний владыка Египта. Но укрыться от любимца удачи ему было не суждено. Надеюсь, что нам повезет больше.

— И я надеюсь, — печально отозвалась Амина. Ей, выросшей в уюте под кровом любящего отца, впервые пришлось столкнуться с суровыми испытаниями, и теперь все ее тело ломало от усталости, пальцы рук саднили, и сама идея перехода через пустыню больше не казалась привлекательной.

— Потерпи, любимая, еще немножко потерпи. — Саид отбросил носком сапога пригревшегося на камне скорпиона и вновь поднял глаза. Развитое с детства чувство близкой опасности будто подстегнуло его, он всей кожей ощутил чей-то пристальный недобрый взгляд. — Всадники!

Над вершиной одного из утесов мелькнули фигуры верховых.

— Двое, — испуганно подтвердила Амина.

— Вероятно, трое — один чуть в стороне, настороже. Это наблюдатели, — коротко выдохнул молодой воин, кладя руку на эфес своего дамасского шамшира.

— Чьи?

Саид горестно скривил губы. Определить издали, что за неведомые верховые попались им на пути, было почти нереально. Судя по одежде, они не были франками, но, впрочем, он слышал, что многие франки, родившиеся и выросшие в этих землях, тоже порою рядятся под местных жителей.

— Кто бы это ни был, встречаться с ними нам не стоит. Хорошо, если их только трое, — прикидывая, что он может противопоставить незваным попутчикам, пробормотал Саид.

Возможностей было немного. Если им, паче чаяния, попался навстречу отряд султана или кого-то из вельмож, достаточно показать им перстень кади и объявить, что они здесь по воле лучезарного повелителя. С разбойниками хуже, но и тут есть шанс. На пожитках скромных путников особо не разбогатеешь, а вот приговорить себя к смерти, пролив кровь одного из хранителей, пожелает не всякий. От Красного моря до Средиземного любому известно, что воины пустыни никому не спускают обид и скоры на расправу. Так что можно попробовать договориться.

Куда хуже, если оттуда, с вершины, за ними наблюдали туркопилье — местные жители, поступившие на службу к франкам-крестоносцам. Таким ничего не свято. Предавшие свой

народ и веру, они опасны для вчерашних соотечественников куда более, чем заморские рыцари. От тех порою можно ждать милосердия и снисхождения. Эти ограбят и убьют за стертый динар. А тут не динар — тут такая красавица! И, что уж совсем плохо, всякий, имеющий при себе оружие, для них враг безо всяких оговорок.

— Они нас заметили, — жестко отрезал Саид, вытаскивая саблю из ножен. — Если их будет трое, даст бог, я с ними управлюсь, если больше, заклинаю тебя небом и нашей любовью — скачи прочь, я задержу их. А если все будет нормально, прокричу совой — дам знак с этой самой скалы.

— Но, а если... — начала Амина.

Однако юноша не слушал, он глядел на гребень скалы, куда один за другим выезжали одоспешенные всадники. На значках их длинных пик красовался вышитый алый крест в окружении черных птиц, лишенных клювов и лап.

— Скачи! — резко крикнул Саид, прерывая разговор на полуслове, и хлопнул коня ладонью по холке. — Их тут десятки, и это туркопилье!

Саид крутанул шамшир, будто для того, чтобы разбудить клинок перед кровавой трапезой. Недолгой и, вероятнее всего, последней.

— Торопись! — крикнул молодой воин, оглядываясь, и тут же прикусил губу от досады. Кто бы ни вел предателей туркопилье, он хорошо знал свое дело. Позади них из-за каменной гряды выезжал еще один отряд, и у правого плеча каждого всадника красовался нашитый на груди просторной белой туники дышдаши — красный, будто кровавый, матерчатый крест. По слухам, дошедшим до святилища, такой нашивали на свои плащи франкские рыцари — последователи некоего древнего героя, прозванного, должно быть, по недалеким отсюда землям Галаады Галахадом. Они твердят, что их вождь якобы совершал подвиги в далеких франкских землях, а затем отправился сюда с неведомой, но высокой целью.

Теперь эти головорезы рыщут везде, где только могут, разыскивая тайное наследие своего вождя — какую-то драгоценную чашу, якобы дарующую вечную молодость, исцеление от ран и несметные богатства. За всю свою жизнь он ни разу не слышал, чтобы старики упоминали хоть о чем-то, похожем на такую чашу. Но высокомерные франки и слышать ничего не желали.

Вера заменяла им знание, а сила — разум.

Будь Саид один, он бы еще потягался с этими песьими детьми, доверившись собственной ловкости и быстроте конских ног. Однако в таком положении рисковать было невозможно. Стоит ли говорить, что туркопилье куда более ловкие наездники, чем его возлюбленная, и, как положено волчьей стае, считают жертвой всякого, кто от них бежит. А значит, сейчас главное — не показать испуга. Он свистом подозвал коня, испуганные глаза девушки смотрели на него с надеждой, будто молодому воину было по силам творить чудеса, поражать недруга взглядом и низвергать серный дождь на вражьи головы.

— Попробую договориться, — скороговоркой бросил Саид. — Умоляю, соглашайся со всеми моими словами, это нужно для нашего блага! Я родом из твоего селения и похитил тебя у отца, мы с детства любим друг друга, он был против. Едем в Бир-эс-Сабу...

Больше ничего молодой хранитель сказать не успел — туркопилье были уже совсем близко. Саид чуть согнул колени, понижая центр тяжести и всем своим видом показывая, что готов принять бой и продать свою жизнь по непомерно дорогой цене. Высокий немолодой воин с орлиным носом и черными, тронутыми сединой бровями — должно быть, командир отряда — выехал чуть вперед навстречу храбрецу. Верхнее чутье позволяло ему отличить

истинного воина от пастуха с оружием в руках. И там, где в другой раз он бы немедля дал приказ истыкать дерзкую тварь стрелами и проехал бы дальше, не повернув головы, он готов был выслушать бедолагу, почти наверняка обреченного на смерть.

— Кто ты такой?! И что делаешь в этих местах?! — высокомерно кривя губы, крикнул он.

— Я Саид из Аль-Нузы, направляюсь со своей невестой в Бир-эс-Сабу.

— Невестой? — Горбоносый командир заинтересованно глянул на Амину, и та поплотнее запахнула на себе украшенный золотыми монетами тонкий платок. — Кажется, ты вздумал обмануть меня, молокосос! Вы держитесь вдали от караванных путей. Девушка явно не дочь погонщика верблюдов, да и ты на хорошем коне, в хороших доспехах и с отличным клинком. Но где же ваше сопровождение? Или ты хочешь сказать мне, что вы дерзнули идти через пустыню вдвоем? Для этого нужно быть отчаянным глупцом, а ты на такого не похож.

— Спасибо на добром слове, мухареб. Ничто не укроется от твоего зоркого глаза. Но я не обманываю тебя. Я похитил возлюбленную из дома ее отца, ибо тот хотел выдать ее за другого. Спасаясь от погони, нам пришлось забраться в эти земли. И сейчас мы действительно направляемся в Бир-эс-Сабу, чтобы найти там праведного шейха, дабы тот провел обряд.

— А ты ловкач! — рассмеялся командир. Слова его уже звучали несколько добрее. — Однако что мне теперь делать с тобой? В недобрый час вы решились на побег. Ты воин и потому сам поймешь: не для того мы забрались в такую глушь, чтобы кто-то мог сообщить Басризу и его шакалам о нашем пути. Я могу дать тебе умереть с оружием в руках, а твоя невеста... — Он еще раз внимательно и не слишком почтительно оглядел Амину. — В Акре сейчас множество знатных франкских дам, я отвезу ее туда и из уважения к твоей доблести, если ты ее проявишь, устрою к какой-нибудь из них в услужение. Что скажешь?

— Смерть лишь продолжение жизни, а смерть с оружием в руках почетна для воина, — спокойно и уважительно отозвался Саид. — Однако зачем тебе нужна моя кровь? Ты не хочешь, чтобы я сообщил о вас Басризу? Мне нет до него дела. Я никогда не видел его и не слышал о нем ничего хорошего. Но я вижу тебя, ты доблестен и мудр. Мне все равно уже не вернуться домой — отец Амины не простит мне нашей свадьбы. Я хорошо знаю эти места, отменно владею оружием и конем. Я готов стать под твою руку и служить верой и правдой.

— В моем отряде служат только христиане!

— Я мало знаю о вере франков, — не спуская глаз с горбоносого лица предводителя крещеных сарацинов, проговорил Саид, — однако наверняка у вас найдутся те, кто сможет научить меня вашему закону.

— Ты так легко готов отречься от веры предков?

— Мулла велел Амине забыть о нашей любви и смириться с волей отца. Если служитель вашего бога благословит нашу любовь, я готов сражаться за него, не щадя жизни.

— Что ж, твои слова мне по нраву. Пожалуй, я возьму вас под свою защиту. Тем паче что хороший проводник в этих краях не помешает.

— Эй, эй! — послышалось сзади. — Не слишком ли быстро ты обещаешь защиту, Тигран?! Не забывай, здесь я команду!

Командир туркопиле почтительно, хотя и недовольно, склонил голову. Саид обернулся на голос. Позади легковооруженных всадников на мощных боевых конях красовалась тройка рыцарей, окруженная парой десятков оруженосцев и сквайров. Прозвучавшая только что

фраза была произнесена на грубой помеси франкского наречия с аравийским, на котором разговаривали в нечестивом Иерусалимском королевстве. Однако суть ее Саид все же понял. Но вот дальнейший разговор продолжался на франкском. Высокий широкоплечий рыцарь в алой котте с вышитым серебряным львом, с необычайно светлыми глазами цвета стали, сдвинув брови, что-то говорил предводителю туркопилье, тот отвечал, почтительно склонив голову. Речь собеседников была непонятна, однако Саид чувствовал, что рыцарь недоволен. Наконец тот, кого сероглазый назвал Тиграном, обратился к юноше:

— Сэр Ричард Торквудский полагает, что ты соглядатай Басриза и что женщина с тобой — лишь коварная уловка, достойная этого трусливого шакала.

— Разве я тайлся, стараясь проследить ваш путь? Мы с любимой шли, не скрываясь. Это вы увидели нас, а не мы вас.

— Я говорил ему об этом. Он требует доказательств.

Лицо Саида помрачнело, однако, быстро нашедшись, он сунул руку за кушак, чтобы выхватить перстень кади. Десятки луков взметнулись, и стрелы легли на тетивы, целя во влюбленную пару.

— Не делай резких движений, — хмуро процедил Тигран. — Иначе даже я не смогу спасти тебя.

— Позволь, я достану?

Горбоносый воитель кивнул. Саид медленно, чтобы не вспугнуть лучников, вытащил перстень с султанской тугрой.

— Это знак власти ее отца, — он указал на Амину. — Без него тот не может ни снарядить погоню, ни вынести приговор. Разве оказался бы он у меня, если б мы были лазутчиками? Да и оружие. Куда разумнее посылать на такое дело старика с посохом, нежели молодца с саблей.

Эти слова заставили рыцарей задуматься, они начали о чем-то переговариваться между собой, и, выслушав вердикт, Тигран перевел:

— Твои слова разумны. Что ж, покажи, насколько ты хорош в бою, стоит ли принимать тебя под свое знамя.

Саид улыбнулся и, стараясь как-то спрятать охватившую его радость, склонил голову. С тех ранних детских лет, когда один из уккалей, просвещенных служителей, забрал его у родителей и отвез в святилище, всякий день он проводил в военных упражнениях. И уж наверняка немного бы нашлось в этих землях воинов, способных противостоять ему в открытом бою. Тигран скомандовал одному из своих бородачей спешиться и обнажить клинок.

— Твоя задача победить, — пояснил он новобранцу. — Но если ты убьешь моего человека или даже серьезно ранишь его, я сам отрублю тебе голову.

Саид подтвердил, что услышал, и в тот же миг отпрянул — сабля противника свистнула совсем близко у его лица. Должно быть, у бородача не было приказа щадить противника. Туркопилье рубанул еще раз. Удар был сильным, быстрым, но, по мнению молодого хранителя, чересчур широким. Он вновь сместился и тут же оказался чуть сбоку от противника. Маневр Саида не остался незамеченным, и воин Тиграна повернулся вслед за ним, рубя сверху наотмашь. Саид подставил саблю и, едва заметно спуская по заточенной стали клинок противника, прорвался вперед, совсем близко к неприятелю. Еще мгновение — и он прижал запястье вооруженной руки туркопилье локтем к своему боку, перехватил саблю в левую руку и с явным удовольствием огрел противника навершием рукояти по затылку.

Бородач выронил оружие и без чувств рухнул наземь.

— Да, это было ловко, — резюмировал Тигран. — Ты держал оружие в левой руке — позор для моего воина. — Он кивнул одному из ближних всадников: — Оттащи пададь. А ты, Саид из Аль-Нузы, забери его доспехи, оружие и коня. Он же сам пусть бежит следом, держась за стремя. Останется жив — его счастье.

— Но это же верная смерть! — ужаснулся Саид.

— На все воля небес, каждый день в мире умирают люди. Мне нет до этого дела.

Закончив с этой расправой, предводитель туркопилье обратился к рыцарю серебряного льва. Тот было кивнул, выслушав его слова, однако его спутник, рыжеволосый, на гербовой котте которого был изображен объятый пламенем камень, что-то произнес с недоброй ухмылкой, и сэр Ричард, насмешливо подняв брови, согласился.

— Тебе предстоит еще один бой, — пояснил Тигран. — На этот раз можешь не сдерживать удар.

Саид приготовился к схватке. Он ожидал появления какого-нибудь невероятного гиганта вроде того, которого Дауд поразил из своей пращи. Но его новый противник был совсем не таков. Саид даже удивился выбору франков. Впрочем, как для последователей учения Пророка, так и для франков-христиан этот боец был явно чужим. Оттенок его кожи был необычно смуглым, но гораздо светлее, чем у нубийцев, скорее каким-то желтоватым. Но более всего удивляли глаза — раскосые, узкие, хищные, как у каракала. До этой последней минуты Саид не замечал его, тот будто прятался в тени за спиной рыжеволосого предводителя. Но едва прозвучала команда, он оказался перед Саидом, почтительно ему поклонился и представился:

— Фудзивара Какубо.

— Саид из Аль-Нузы.

Он оглянулся на Амину, улыбнулся ей, подбадривая, словно говоря, что все идет хорошо и скоро ужас недоброй встречи будет позади. Незнакомец его не пугал. Казалось, в нем вовсе нет ничего угрожающего. Разве что манера двигаться бесшумно, очень мягко, по-кошачьи. Ни тебе воинственных криков, ни демонстрации мощи и ловкости владения оружием. Впрочем, он слышал, что такие вот дикари, пришедшие откуда-то с Востока, выступили против султана, захватили Дамаск и разбили войско правоверных у Яффы. А значит, пренебрегать его боевыми навыками не стоит. Он с опаской поглядел на чужестранца: тот стоял как ни в чем не бывало, будто и не собираясь обнажать меч. Но во всем его облике не было и намека на нерешительность. Во взгляде читалась внимательная расслабленность.

Рыцарь что-то крикнул, видимо, команду начинать. Не дожидаясь перевода, Саид ринулся в атаку. Отточенный клинок свистнул и рассек воздух на том месте, где лишь мгновение назад стоял желтолицый. Противник исчез! Более того, молодой воин почувствовал, что воля незнакомца втягивает его, будто в воронку. Он дернулся, разворачиваясь на месте и уходя вниз так, чтобы подсесть ноги странного поединщика. Однако тот вдруг оказался у него за спиной, ухватил за ворот дылдаши, резко дернул вниз, оголяя плечи и грудь, так что руки молодого хранителя оказались в западне собственных рукавов. В руке странного бойца мелькнул кинжал, и Саид услышал, как коротко вскрикнула Амина.

— Стой! — резко скомандовал Ричард Торквудский и тронул коня вперед. — Останови его, Генрих!

Саид не понял этих слов, увидел лишь занесенный над ним кинжал и уже прощался с

жизнью, сожалея лишь об одном: что не смог защитить любимую. Однако резкий окрик рыжеволосого франка заставил победителя вернуть оружие в ножны на запястье и отступить в сторону.

— Что это за знак? — поинтересовался Ричард Торксвурдский, указывая мечом на диковинное клеймо на груди Саида. — Отвечай!

Перед глазами Саида мелькнул тот давно прошедший день, когда его, еще совсем мальчишку, посвящали в хранители. После изнурительных упражнений с оружием, диких скачек, кулачного боя и борьбы их вывели на каменный уступ, под которым срывалась вниз отвесная стена. Каждого из них, таких же юнцов, как и он сам, ставили на край обрыва, и один из просвещенных, раскалив докрасна клеймо, ставил им отметины в виде цветка на груди, запястье и затылке. Отступишь на шаг — и каменная осыпь внизу примет твое бездыханное тело. Никто и не вздохнет, никто уже завтра не вспомнит. Тогда он выстоял, не шелохнулся.

— Это знак моего рода, — не меняясь в лице, соврал молодой воин.

— Вот оно как? Рода?! Хитрять вздумал! — Рыжий франк недобро ухмыльнулся и скомандовал туркопилье: — Взять его!

Дюжина воинов бросилась на Саида, сбила с ног, прижала к земле.

— Ну-ка поднимите ему волосы на затылке.

— Здесь такой же знак! — крикнул один из воинов.

— А теперь снимите правый наруч.

— На запястье еще один цветок.

— Все сходится! — воскликнул рыжеволосый. — Клянусь шпорами святого Георгия, в рукописи, которую он, — рыцарь с горящим камнем на щите кивнул на молчаливого спутника, в гербе которого красовались такие же птицы без клювов и лап, как на вымпеле туркопилье, — раздобыл у рескриптария иерусалимского короля, говорится, что сэр Галахад, обретя Святой Грааль, доставил его в Святую землю и скрыл в некоем потаенном месте. Что он там оставил своих оруженосцев стеречь его до конца их дней, а до того подготовить святыне новую достойную стражу. Так ведь, Эдвард? — Молчаливый рыцарь утвердительно кивнул. — Ты понимаешь, Ричард? Это не легенда, все так и есть, он один из стражей Чаши. Я знал, знал, что это чистая правда! Эй, поставьте юнца на ноги!

Туркопилье сноровисто выполнили приказ. Саид успел бросить взгляд на Амину. Та замерла в недобром предчувствии, опасаясь не то что молвить слово, но даже шелохнуться. Должно быть, в глубине души она надеялась, что Аллах в безмерной милости своей обернет ее в невидимку или превратит в росу, высыхающую на солнце. Она, не отрываясь, глядела на своего возлюбленного. Спасение, еще недавно казавшееся таким близким, оказалось пустым миражом. Гибель, раскинув черные крылья, реяла над ними, кружась, подобно голодному коршуну, и смеясь над молчанием скрежещущего зубами от боли хранителя.

— Тигран, переводи! — стараясь придать голосу мягкое звучание, крикнул Ричард. — Мы знаем, что ты один из стражей. Но поверь, мы не желаем зла ни тебе, ни святыне. Погляди на наши плащи. Видишь алые кресты на белом полотнище? Это герб сэра Галахада. Он наш вождь и небесный покровитель. Отведи нас к святилищу, и ты станешь нам другом и соратником.

Саид молча пожирал взглядом говорившего франка, сожалея, что не может дотянуться зубами хотя бы до его ноги. Провидение давало ему короткий миг на обдумывание в ситуации, казавшейся безвыходной. Еще вчера, попади он в такой переплет, с легкостью

отдал бы жизнь, однако не сдвинулся бы с места, не показал бы чужеземцам тайного убежища. Но здесь, но сейчас... Юноша украдкой глядел на Амину, молясь, чтобы иноверцы не догадались, как она дорога ему. Он заметил, как жадно поглядывают на девушку туркопилье. Стоит франкам лишь отвернуться, и они набросятся на нее, спеша утолить похоть.

— Переводи, Тигран! — крикнул тот из рыцарей, которого именовали Генрихом. — Ты хотел поступить на службу, он позволил тебе сделать это. Но как только речь зашла о службе и повиновении, ты смотришь волком и молчишь! Это измена, а изменников мы казим. Страшно казим в назидание всем прочим. Тебя будут рвать конями, но не до смерти, а затем бросят на съедение шакалам. Прямо здесь, на солнцепеке, так, чтобы ты хорошенько поджарился. А ее, — он кивнул на замершую в ужасе Амину, — мы поделим, как любое имущество, принадлежащее изменнику.

Саид переводил глаза с рыжеволосого франка на предводителя туркопилье. Рыцарь был настроен крайне решительно. Мысль юного воина работала, будто подстегнутая витым бичом. Всю свою сознательную жизнь он готовился отразить удар, отвести нависшую над святыней угрозу, какой бы она ни была. И вот на тебе — так нелепо попался. Надо что-то предпринять, что-то придумать, очень быстро. Ему живо представилась стоящая над отвесной скалой башня — неусыпный страж подземного святилища. Что, если...

— Стойте! Я отведу вас.

Он дернулся, пытаясь вырваться, но десяток крепких рук надежно удерживал его.

— Ты согласен? — будто не веря собственным ушам, уточнил рыжеволосый. — Как-то ты слишком легко сдался. Может, все же поджарить тебе пятки? Какубо, может, ты желаешь придумать для него пытку? — Тот, к кому были обращены эти слова, молча поклонился и отвернулся, будто не поняв чужестранных слов.

— погоди! — Ричард Торквудский остановил соратника. — У этого малого и впрямь есть повод нам помогать. Если что, убить его мы всегда успеем. Сам посуди, устроить нам засаду, а затем послать сюда влюбленную парочку, чтобы заманить в западню, — слишком хитрая уловка для Басриза. Ничто не мешает нам прикончить этих двоих. А значит, засада нас не поджидает. Но если где-то здесь и впрямь скрыта Священная чаша, мы найдем ее, ибо Господь, несомненно, будет на нашей стороне.

— Господь — это, конечно, хорошо, — буркнул рыжебородый, явно не слишком радуясь подобной перспективе. — Но хорошо бы и о здравом смысле не забывать. Какубо, приглядывай за пленниками.

Станный желтолицый воин молча кивнул и бросил на Саида взгляд, равно внимательный и равнодушный, какой обычно мясник бросает на освежеванную тушу. Ричард и не подумал спорить со спутником, лишь кивнул, приказал Тиграну отослать гонца в лагерь к старой крепости и взмахнул рукой, повелевая выступать в поход.

Не так представлял себе Саид возвращение под руку мудрейшего Джемалю. Воистину провидение взялось воочию показать ему, как далеко может увести неправедный путь, казавшийся в первый миг столь привлекательным. Но в душе своей он не находил сил отринуть ту, ради которой ступил на эту гибельную дорогу.

Сейчас он молил небеса, чтобы те сочли отмеренную ему кару вполне достаточной и отвели нависшую над святилищем опасность, чтобы замысел его с успехом воплотился в жизнь. По расчетам Саида, к святилищу отряд должен был прибыть уже в сумерках — не лучшее время для штурма. А уж если он укажет им на сторожевую башню, возвышающуюся

над отвесной скалой, — то и подавно. Франкам не впервой штурмовать башни, и, кажется, для них идея разместить в этакой цитадели святыню вполне разумна, а стало быть, не вызовет сомнений.

Молодой воин не соврал, когда на расспросы рыцарей ответил, что стражей в башне едва ли больше двадцати человек, а скорее всего, и того меньше. Не договаривал он лишь одного: конный отряд стражников в это время, как обычно, патрулирует округу, наводя страх на разбойников, охотников на караваны. И стоило зажечь смоляные бочки на боевой галерее сторожевой башни, — на сигнал очень быстро соберется до трех сотен отменных воинов. Но еще до того в суматохе осады, в потемках, он наверняка сможет освободить Амину и скрыться вместе с ней через потайной лаз, оставив волков-рыцарей и шакалов-туркопиле на корм воронью.

До того часа он старался ничем не выдать своего замысла, скупое отвечал на вопросы рыцарей, переводимые Тиграном, и с опаской поглядывал на хищноглазого недруга, стараясь понять, каким чудом он так ловко смог одолеть его, столь умелого в рукопашной схватке. Но этот вдвойне чужак, похожий на каракала, ехал молча, держась за спиной рыжебородого. Саид спиной чувствовал, что, несмотря на кажущееся безразличие, тот не упускает их из виду.

«Ничего, — успокаивал он себя, — там, под скалой, рыжий наверняка бросится вперед. Франкские воители, несомненно, храбры, но столь же и глупы. Высшей доблестью им представляется манера подвергать жизнь свою излишней опасности вместо того, чтобы искать способ добиться победы. А значит, франки обнаружат высеченную меж складок отвесной скалы «потайную лестницу» и постараются скрытно взобраться по ней наверх. До какого-то момента им даже будет казаться, что замысел удастся.

Правда, не доходя до вершины скалы примерно трех человеческих ростов, лестница вдруг обрывается, но зато всякий, кто поднялся на широкий уступ под сторожевой башней, окажется перед защитниками как на ладони — ни спрятаться, ни укрыться. Сверху град стрел, и даже в скальной толще вокруг спрятаны прикрытые камнями бойницы. Чуть зазевался — и сквозь любую из них, подобно ядовитой змее, выскользнет острие копья, ударит в спину и скроется из виду, оставив на ступеньках труп с удивленно распахнутыми глазами.

А истинный вход... Ни к чему знать иноверцам истинный вход в святилище. Так что если этот самый Генрих полезет на скалу, то «каракал» будет рядом, и, значит, одной опасностью для нас будет меньше. Главное сейчас — предупредить Амину».

В очередной раз перехватив заинтересованный взгляд диковинного чужестранца, он указал на своего коня, ныне отданного Амине:

— Мне нужно взять четки. — Он сделал руками движение, будто перебирает маленькие шарики. Саид не мог сказать, какую должность занимает в отряде неверных этот молчаливый воин, однако туркопиле относились к нему с видимым почтением. Тот оглядел его с ног до головы, ища подвох, но кивнул, позволяя молодому стражу приблизиться к возлюбленной.

— Когда начнется штурм, — тихо, почти не открывая рта, прошептал Саид, копаясь в седельной сумке, — мы скроемся отсюда. Старайся держаться поближе ко мне.

Он достал унизанную черными агатами волосяную нить и, улыбнувшись, показал Фудзиваре Какубо. Тот вновь кивнул, не размениваясь на слова.

Но вот в сгущающейся тьме впереди показалась высокая скала, увенчанная мощной

сторожевой башней. Должно быть, в час творения Господь создал этот каменный постамент круглым, а потом, не удовлетворившись содеянным, в гневе скомкал каменную громаду, так что толща ее пошла глубокими складками.

— Вот это да! — восхищенно крикнул сэръ Генрих, любясь четко очерченной на вечерющем небе громадой сторожевой башни, над которой в своем воображении он уже устанавливал вымпел с горящим камнем. — Ричард, ты только глянь, какая отменная цитадель!

— Не знаю, чему ты радуешься. Эту твердыню штурмом не взять.

— Если они изготовятся к бою, тогда не взять. А пока не ожидают нападения, можно рискнуть. Этот Саид говорил, что там, между складок отвесных скал, имеются ступени, ведущие наверх. Я возьму его бурнус и пойду впереди. За мной — мои люди. Пока в башне не спохватились, мы ворвемся в ворота. Сам посуди: когда рассветет, нас заметят. Тогда уж точно будет не подобраться. Надо думать, и сейчас охрана не спит.

— Пусть Тигран пошлет наверх своих людей, — покачал головой Ричард Торквудский.

— Зачем? Лучше уж тогда я возьму этого сарацина и погоню его перед собой.

— Полагаю, это опрометчивое решение, — вмешался хозяин добытой в Иерусалиме рукописи. — Возможно, у него есть какой-нибудь тайный знак, чтобы оповестить гарнизон об опасности.

— Можно подумать, сами они не поймут, что им угрожают! Всякий, кто берет в руки оружие, ходит в обнимку со смертью. Это не хорошо, не плохо, просто так оно есть, — хмыкнул Генрих Бекенстон. — Ежели такая участь их пугает, чего проще, способ известен — пусть выкинут белый флаг, тогда им ничего не будет угрожать.

— Послушай, мы пришли сюда быть защитой Чаши, а не похитить ее, — покачав головой, напомнил Ричард Торквудский. — Мы должны избегать излишнего кровопролития. Пускай эти люди иноверцы, но, если наши предположения верны, все эти века они денно и ночью охраняли нашу святыню. И потому, насколько возможно, лучше бы избежать ненужных жертв.

— Тогда, может, протрубить в рог и ожидать, пока неверные сами распахнут перед нами ворота и с поклоном вынесут Чашу? — насмешливо скривился рыцарь пылающего камня.

— Может, и протрубим.

— Как скажешь. Но для начала пусть люди Тиграна поднимутся наверх.

Ричард внимательно поглядел на башню, уже едва видимую на фоне темного неба. В этих землях вообще закат наступал как-то внезапно, совсем не так, как в родном Йоркшире. На боевой галерее цитадели горели факелы — единственный свет в округе. Каменная твердыня напоминала сказочного великана, озирающего округу множеством сверкающих глаз.

Рыцарь повернулся к горбоносому предводителю туркопилье:

— Прикажи своим людям быть тихими, будто тени. Лишь когда окажутся у подножия башни, пусть подадут знак — двойной крик ворона.

Саид не понимал, о чем говорят франки, но по жестам предположил, что речь идет о штурме башни. Так, это вполне согласовывалось с его планами. Там, наверху, каменная твердыня попросту не имела ворот. Так что кучке франкских воинов с их шакалами не взять цитадели, даже если каким-то чудом им удастся взобраться на вершину. Они окажутся в западне и все сложат там головы. Остальных прикончат стражи, наверняка уже спешащие на помощь. Он увидел, как высокий сероглазый рыцарь с серебряным львом на щите отдает

команду Тиграну. А тот, в свою очередь, командует на гортанном киликийском наречии, и пятеро всадников спешиваются и бегом устремляются к вырубленным в скале ступеням.

«Пятеро — это маловато, — с досадой думает Саид, — но выбора нет, пора действовать». Он спешивается, показывая знаком охраннику, что ему нужно отойти «за камень», снимает с головы длинный жгут, удерживающий накидку, спасающую от опаляющего жара, и через несколько мгновений как ни в чем не бывало возвращается назад. Приблизившись к охраннику, он манит его к себе, словно желая посеCRETничать. Туркопилье наклоняется, жгут змеюю обвивается вокруг его горла. Саид быстро поворачивается на пятках, выдергивая туркопилье из седла и закидывая его себе за спину. Обреченная жертва надсадно хрипит, пытаясь ослабить удавку, дергает в воздухе ногами. Однако, как бы ни бежал он, не касаясь земли, ему уже не догнать собственную душу. Все заканчивается так быстро, что даже конь, загораживающий от всех прочих сцену убийства, не успевает повернуться. Впрочем, крестоносцам сейчас не до него, их взгляды устремлены вверх — над башней в темное небо взвивается длинный язык пламени.

— Нас заметили! — уже не скрываясь, кричит Ричард. Но до поры до времени башня продолжает безмолвствовать: ни воинственных кличей, ни звона оружия — ничего, что так ожидаемо и привычно франкским воинам в таких ситуациях. Однако стоило нескольким воинам приблизиться к лестнице, высеченной в скале, вылетевшие невзвезд откуда стрелы вмиг уложили их наземь. Крошечный гарнизон даже не помышлял о капитуляции и имел для этого весьма серьезные основания.

Саид хорошо представлял себе, что сейчас происходит в башне и подземельях, знал, чего ждут бдительные стражи. Однако у них было свое дело, у него — свое, и оно не терпело даже самого малейшего промедления. Вытащив из-за пояса мертвого противника кинжал, он скользнул в темень и появился, будто вырос из-под земли, возле выкрестов-аравийцев, стерегущих Амину. Одно короткое движение — два перерезанных горла, два трупа рухнули наземь, не успев издать ни звука.

— Скорее! — шепнул Саид, хватая девушку за руку. — Скорее убегаем!

Дочь кади не заставила себя долго упрашивать. Они помчались прочь от увлеченных предстоящей схваткой франков, торопясь как можно быстрее исчезнуть из поля зрения врагов. Бежать пришлось недолго. Саид остановился возле какой-то невзрачной, едва заметной в темноте осыпи, слегка поднапрягся и поднял с земли широкий плоский камень, открывая узкий лаз, в котором человек мог с трудом передвигаться даже на четвереньках.

— Давай, полезай сюда!

— Но как же, ведь...

— Ничего, давай! Потерпи, дальше будет шире. — Он легонько подтолкнул Амину к темному провалу. Девушка с восхищением и благодарностью глянула на спасителя. Она хотела еще что-то сказать, но молодой воин лишь командовал: — Давай, давай, поторопись!

Девушка, скрючившись, начала спускаться в тайный ход. Спустя короткий миг за ней последовал молодой хранитель. Прежде чем опустить камень на место, он внимательно огляделся вокруг, проверяя, нет ли преследователей, и, никого не заметив, удовлетворенно оскалился в хищной ухмылке.

Он не видел и не мог видеть, как после этого действия от ближайших камней отделилась едва заметная в темноте фигура и неслышно скользнула к лазу. Внимательно оглядев крышку, человек выпрямился и, сложив руки у рта, трижды громко крикнул вороном. Два раза длинно и один коротко. Сэр Генрих Бекенстон удивленно поглядел на лорда

Ричарда:

— Фудзивара подает сигнал. Что-то не так. Я возьму людей и проверю.

— Сделай любезность, — кивнул рыцарь серебряного льва. — И береги себя, сарацинские шакалы — мастера всякого коварства.

— Ты больше не пытаешься внушить мне, что нам следует быть любезными с этими тварями?

— Они делают свое дело, и нам не переубедить их, покуда мы не войдем в крепость. А раз так, значит, нужно сделать это как можно скорее.

Лабиринт подземных тоннелей напоминал паучью сеть, разветвляясь и предоставляя на выбор неосторожно забравшемуся сюда все новые коридоры, уходящие все глубже под землю, внезапно оканчивающиеся глухими тупиками. В незапамятные времена могущественных египетских фараонов здесь были медные копи. Потом, когда месторождение иссякло, оно было заброшено. А изъеденные подземельями скалы остались невостребованным наследием, вплоть до той поры, когда здесь появилось святилище.

Саид хорошо знал единственную верную тропу в лабиринте. За годы, проведенные тут, он мог бы отыскать нужный путь с завязанными глазами. Но этого не требовалось. Спустившись под землю, он быстро нащупал заветный уступ и нашел там все то, что ожидал найти: заправленную маслом светильню и огниво. Еще мгновение — и слабый огонек запрыгал на фитильке, отбрасывая на стены мечущуюся тень.

— Пойдем быстрее, — заторопил он, хватая Амину за руку. — Только наклоняйся, чтобы не удариться. Давай же! Идем! — Он резко потянул девушку за собой, не давая ей опомниться. Спустя некоторое время тоннель, прежде опускавшийся, начал подниматься вверх, и высота потолка уже позволяла двигаться во весь рост. Саид все торопил спутницу, будто сама смерть гналась за ними. Когда из темноты навстречу молодому воину неожиданно выступили две статные фигуры, Амина вздрогнула. Обнаженные сабли в их руках не предвещали ничего хорошего. Она было попыталась выдернуть руку, но Саид бросил что-то скороговоркой на каком-то странном наречии, один из воинов кивнул, затем разве что не силой втолкнул ее в открывшийся вдруг посреди каменной толщи дверной проем.

Саид, Амина и молчаливые стражники очутились в сравнительно небольшой зале, в дальнем краю ее красовалось вырубленное в каменной толще кресло, устланное толстым ковром. В кресле, будто на троне, восседал седобородый старец с лицом мрачным и величественным. Запавшие глаза старика глядели обжигающе недобро. В детстве Амина уже видела этого человека — правда, тогда в бороде его было еще немало черных прядей. Тогда он приезжал в их селение во главе отряда стражей. А спустя несколько лет отец почтительно сказал, что их давешний гость нынче принял жезл власти из одряхлевших рук прежнего Великого хранителя.

Сейчас он смотрел и будто не узнавал девушку.

— Что скажешь, Саид? — сухо поинтересовался владыка подземелья.

— Ты велел мне доставить дочь кади. Вот она.

— Ты выполнил мою волю, Саид, — недобро процедил Верховный хранитель. — Но для чего ты привел врага в наши земли?

— Я должен был исполнить приказ, о просветленный. А для этого должен был остаться в живых и сохранить ее жизнь. Сейчас гяуры в западне: пока они будут ломать зубы о сторожевую башню, наш отряд подоспеет и изрубит их в прах. Так что и воспоминания не останется о чужаках, и некому будет даже рассказать, куда исчезли эти порождения шакалов.

— Всегда остаются следы, — коротко бросил премудрый Джемаль и сделал знак стражам выйти. Те склонились, подошли к двери, потянули скрытый в стене рычаг. Но едва каменная створка повернулась, один из них рухнул наземь с разрубленной головой. Второй сполз по каменной стене, а на груди его расплзлось кровавое пятно.

— Ты прав, Какубо, здесь у них логово! Ату их! Возьмем зверя!

Рыжий, как пламень факела, рыцарь ворвался в залу, держа перед собой окровавленный поясной меч.

— Слава богу, хоть тут не крысиная нора, есть где разгуляться!

Должно быть, зная любовь соратника к разухабистой схватке, тот, кого рыцарь назвал Какубо, качнулся и исчез за спиной грозного воителя. За сэром Генрихом в дверной проем ворвались его оруженосцы и боевые слуги, готовые изрубить всякого, кто станет у них на пути.

— Предатель! — яростно завопил Джемаль. — Ты привел в святилище иноверцев!

— Бросай оружие, старик, и я сохраню тебе жизнь! — взревел рыцарь огненного камня.

Слова эти, брошенные на ломаном арабском, не произвели на старого воина ни малейшего впечатления. Он распахнул темный плащ, демонстрируя стальной пояс-змею, стягивающий его белые одежды. Легкое касание алого глаза змеи — и в руке просветленного аджавида Джемалья блеснул отточенный сабельный клинок. Быстрый взмах, рыцарь уклонился, блокируя удар мечом. Но точно кобра, обвивающая сухую ветку, клинок согнулся, огибая преграду, и острие его чиркнуло по щеке британца, к заметной радости старика. Пользуясь секундной заминкой, он незаметным поворотом запястья отвел клинок и атаковал вновь, стремясь отсечь руку, держащую меч. Сэр Генрих с воем схватился за разрубленную щеку. И, пожалуй, не успел бы взять защиту, но на пути клинка Верховного хранителя вдруг появился окованный стальными пластинами наруч Фудзивары Какубо. Пользуясь этим, взбешенный рыцарь полоснул старца поперек живота, вспарывая ему брюшину.

— Получай, старый дуралей!

Верховный хранитель, выронив оружие, зажал рану сморщенной рукой и со стоном упал на пол, корчась от нестерпимой боли. Но бой на этом не закончился. В тот момент, когда просветленный Джемаль схватился с рыцарем и его диковинным телохранителем, в залу из темного, незаметного для несведущих хода, ведущего наверх, в крепость ворвались еще трое стражей. И схватка разгорелась с новой силой. Саид подхватил девушку и, отбиваясь от нападающих оруженосцев, быстро отступил и втокнул Амину в лаз.

— Три коридора налево, один направо, потом снова налево, — скороговоркой выпалил он. — Только вверх, никуда не сворачивай. Окажешься в башне. Скорее, нужна подмога, их тут много!

Он ступил чуть вперед, будто подставляясь под удар сверху не в меру ретивого оруженосца, и тут же качнулся назад, пропуская мимо себя его меч. Быстрый поворот запястья, взмах — и молодой вояка, не старше его собственных лет, рухнул с отсеченной головой, заливая кровью украшенный затейливой резьбой каменный пол.

— Поторопись! Я задержу их.

Саид крутанул перед собой отточенную до бритвенной остроты саблю, отгоняя не в меру рьяных боевых слуг рыцаря. Те были бы и рады снова атаковать, но тройка стражей, стремившихся пробиться к распластанному на полу аджавиду Джемалю, не оставляла им ни малейшего шанса. Годы, проведенные в многочасовых изнурительных тренировках, довели их владение оружием до высочайшего уровня. Несмотря на численное превосходство, отряд

крестоносцев начинал пятиться под быстрыми точными ударами. Сэр Генрих рычал от ярости, но ничего не мог с этим поделать.

— Беги к Ричарду! — крикнул он верному Фудзиваре. — Приведи людей. Скажи, что тут какие-то подземные демоны!

— Я поклялся хранить твою жизнь, — на ломаном языке франков крикнул необычный воитель, — еще там, на поле битвы в Газе...

— Беги! Только ты и сможешь найти чертов выход в этом вонючем крысятнике, — отступая к выходу, перебил его яростный франк, нанося удары мечом со скоростью молотилки. — Здесь узко, им не развернуться. Но долго я с этими молокососами не продержусь. Беги! Спасай меня и всех нас! Только ты найдешь путь! Беги!

Оруженосцы сэра Генриха, как и положено молодым, еще неопытным воинам, старались держаться за спиной рыцаря, защищая его, не давая стражам подземного храма сосредоточиться на одном противнике.

— Повинуюсь, мой господин!

Ловкий воин скользнул в темный провал двери и тут же исчез из виду. Шаги его были заглушены звоном мечей и звуками смертельной схватки.

— Руби их! — продолжал кричать сэр Генрих, совершенно позабывший о ране. — Руби всех!

Между тем бой продолжался и разгорался с новой силой. Вот уже тела двоих стражей рухнули, поверженные, меж пяти убитых ими крестоносцев. Еще один, в окровавленных белых одеждах, хрипя, навалился на одного из оруженосцев, вцепился пальцами в кольца вороненой кольчуги. Попытался ткнуть кинжалом недруга, но, обессилев, сполз наземь и тут же забился в смертельной агонии.

Саид, отбивавшийся от врага с яростью загнанного в западню барса, закрывал лестницу, ведущую наверх, в башню. Сердце его обливалось кипящей от праведного гнева кровью. Он глядел на искаженное нечеловеческой болью лицо Джемалю, его сведенные мучительной судорогой губы и больше всего желал броситься на помощь Верховному хранителю. Но за его спиной карабкалась вверх по ступеням Амина. За его спиной таилась последняя надежда на спасение древнего святилища, и он стоял, подобно каменному истукану, обращенному дэвами в смертоносного истребителя людей. Потеряв еще одного бойца, крестоносцы на минуту отступили.

— Ну что, изменник?! — Сэр Генрих устало опустился на высеченное в камне сиденье, еще хранившее тепло Джемалю. — Ты думал, что западня уже захлопнулась, что ты провел нас? Ах ты жалкая тварь! Слишком большая честь для тебя умереть от руки рыцаря! Но, черт побери, мне не терпится вспороть тебе брюхо и лично вымотать оттуда все кишки!

Рыцарь ухватился за подлокотники, желая резко вскочить. Но когда он сжал прохладный камень, тот легко поддался, уходя в глубь гранита, точно в теплое масло. В тот же миг в каменной толще стены заскрипел ворот, затарахтели, лязгнули цепи в глубине базальтового трона, и часть стены, казавшейся монолитной, тихо повернулась, открывая небольшую, освещенную множеством серебряных ажурных светильен комнату. В ней, будто задумавшись и уснув, углубившись в себя, сидел древний старец с белой, как лунь, бородой. В руках его, сияя и переливаясь, сверкал цветок — диковинный, наполненный внутренним светом, будто вырезанный неведомым умельцем из полупрозрачного кристалла.

Цветок необычайно живой и притягательный, словно готовый пробить на заре скальную толщу и расцвести на радость окружающим. Двадцать пять лепестков его были первоначально-

белыми, еще один — ярко-алым и последний — таким глубоко черным, что, казалось, источал мрак. Взоры присутствующих притягивало к нему, точно железо к магниту, невозможно было отвести глаз от невиданной игры света в кристалле, так что кровопролитие было тут же забыто.

Саид не отрываясь глядел на старца, которого помнил еще живым. Это был прежний аджавид — именно его в свой час сменил Джемаль. Прежний учитель и повелитель вовсе не походил на мертвеца. Саид прежде слышал, что, умирая, Верховный хранитель продолжает еще долго жить среди людей, ища для себя новое воплощение, и далеко не всегда поймешь, где живой человек, а где отринувший смерть служитель Всевышнего.

— Что это? — обескураженный сэр Генрих бросился в освещенную комнату. — Это не Чаша, но... — Он ухватился за сверкающий стебель и попытался вырвать его из рук отрешенного старца. С тем же успехом он мог пытаться вырвать из камня меч, предназначенный королю Артуру. — Ах так! — Его клинок описал в воздухе дугу и обрушился на руки сидящего.

Но в тот самый миг, когда сэр Генрих только подскочил к цветку, Саид, осознавая, сколь ужасное кощунство творится на его глазах, надсадно завопил: «Нет!» — и бросился на троицу преграждавших ему путь крестоносцев. Сейчас ему было все равно, останется он жив или погибнет. Мир вокруг изменился, стал черно-белым. Движения ускорились, так что перед глазами его врагов, будто вспышка, блеснул его стремительный клинок, и холодная сталь рассекла тугую плоть, освобождая дорогу лишенным пристанища душам. Саид рванулся что есть сил, однако можно обмануть человеческую природу, но, увы, нельзя обмануть время.

В то мгновение, когда он очутился рядом с рыцарем, тот уже отсек руки старца. Они схватились за цветок с разных сторон: молодой страж — за лепестки, образовавшие полураскрытый бутон лотоса, рыцарь удерживал стебель. Саид с размаху обрушил сабельное жало на шею сэра Генриха. Струя крови ударила из разрубленной артерии.

И в этот самый миг точно гром прогремел среди ясного неба, подземная толща затряслась, и свод зала пошел широкими трещинами. В тот же миг двадцать семь лепестков небывало прекрасного цветка разлетелись в разные стороны, будто стая вспугнутых птиц.

Рыцарь огненного камня, не охнув, тяжело осел наземь, в одной руке продолжая сжимать турмалиново-зеленый, исписанный загадочными резными письменами стебель. Но даже в самый миг смерти пальцы другой его руки скребли по полу и на последнем вздохе сомкнулись, зажав черный, будто безлунная ночь, лепесток.

— Я сейчас, сейчас! Я все соберу! Все исправлю! Сейчас! — не обращая внимания на подземные толчки, Саид упал на колени, забыв обо всем, и быстро собрал разбросанные на каменных плитах белые лепестки в хлебную суму. Он попытался положить туда и алый кристалл, но не смог. Казалось, тот наполнился непреодолимой силой и будто парализовал его движения. Саид обернулся в сторону прохода, ведущего в башню. Что бы ни значило случившееся только что — святых больше нет, а значит, он свободен и сможет отправиться с прекрасной Аминой куда угодно, хоть на край света! «Теперь я имею право быть счастливым!»

Вдалеке послышался звук множества бегущих ног. Ерунда, у него есть время подойти к стене и повернуть рычаг. После этого каменная плита рухнет, запирая вход, и поднять ее можно будет, лишь заново прицепив скрытые в толще стены троссы.

«Я свободен!» — еще раз повторил он, невольно радуясь новому ощущению. И вдруг,

совершенно некстати, его кольнула мысль о совершенном грехе. Молодой воин, устыдившись собственной радости, поглядел на аджавида.

— Подойди ко мне! — чуть разомкнув дотоле плотно стиснутые предсмертной судорогой зубы, прохрипел Джемаль.

— Я все исправлю!

— Подойди ко мне!

Не смея даже подумать о неповиновении, хранитель бросился к умирающему аджавиду.

— Наклонись, — чуть слышно прошептал Джемаль.

— Я здесь, о Свет Истины!

— Не называй меня так. Небеса послали испытание и мне, и тебе, и мы оба с ним не справились. Тьма вырвалась из темницы, и теперь только чудо спасет мир. Я виноват больше твоего, потому и страдаю больше. Ты же умрешь быстро.

Глаза мудрого старца на мгновение вспыхнули, из последних сил он резко выбросил вперед руку с клинком, на которую до той поры опирался. Змеистая сталь вонзилась Саиду в ложбину под кадыком, и кровь хлынула из смертельной раны.

А в следующий миг в подземную залу ворвался сэр Ричард с подкреплением, ведомым храбрым Фудзиварой. Лицо проводника в эту секунду не выразило ничего. Да ничего и не существовало для него в этой трясущейся комнате, кроме скорчившегося в кровавой луже тела Генриха Бекенстона. Он бросился к нему, подхватил с неожиданной силой, и даже в этой едва освещенной масляными лампадами зале было видно, как он побледнел.

— Уходим! Скорее уходим! — надсадно кричал рыцарь серебряного льва. — Мы уже здесь никому не поможем! Уходим! Сейчас тут все рухнет!

Фудзивара слышал его, но, будто во сне, потащил к выходу мертвого рыцаря.

Он уже не видел, как привела храмовую стражу Амина, как с воем затравленной волчицы бросилась она к любимому, обхватила его плечи, рывком приподняла:

— Я здесь, здесь, сердце мое! Живи! Заклинаю тебя, живи!

Сквозь пелену кровавого предсмертного тумана Саид еще различал смутные контуры любимой, ощущал на себе ее руки.

Перед мысленным взором Саида пронесли события последних дней. Как он мечтал быть избранным наследником аджавида, как он был счастлив, предвкушая хоть и не близкое, но все же осуществление своей заветной мечты. Как он вдруг обнаружил, что в мире есть счастье совсем другого рода и совсем другой силы. Как, соединившись с Аминой в единое целое, он будто преобразился, его дух воспарил куда-то ввысь, в беспредельный небесный простор, он ощутил необъятную вселенную в душе своей. Как, проснувшись утром, он вновь ощутил свою любимую, ее голову на своем плече, пряди ее шелковых волос на своей руке, а свою руку на изгибе ее стана. Ее упругая грудь прижималась к его боку, заставляя душу трепетать. И он не мог пошевелиться, чтобы не перестать чувствовать шелковистую кожу ее ноги, обнявшей его ногу.

Теперь он не знал, что правильно, а что нет, но это больше не волновало его. Он чувствовал: их большая любовь превыше любых правил, придуманных людьми. И сам Аллах не может быть против такого чуда. Саид ни о чем не жалел. Он познал то, что познала лишь малая часть людей на земле и наверняка не познает никто из его соратников-стражей.

Он попытался разомкнуть губы, чтобы прошептать, как любит ее, но кровь фонтаном ударила из раны и перестала течь. Душа его в этот миг уже возносилась к небесному престолу, чтобы дать ответ за все прегрешения и все же принести в другой, лучший мир

память о великой любви. Амина надсадно закричала, забилась, обезумев от горя, схватила и начала целовать Саида. И в этот миг, как последний дар, к ногам ее из сведенных судорогой пальцев упал алый, будто налитый кровью, лепесток. Не помня себя, она схватила его, и словно пламя вспыхнуло вокруг. Беспощадное очищающее пламя. Крепкие руки стражей схватили ее, но этого она уже не чувствовала: в ее сознании не существовало больше ничего, кроме всепожирающего огня.

А в это самое мгновение у выхода из лаза, склонясь над телом мертвого друга, рыдал храбрейший из храбрых, зеркало рыцарства, сэр Ричард Торксвудский. Плакал, не скрывая горячих слез.

— Вот за это, за это ты погиб? — Он вытащил из омертвелых холодных пальцев черный лепесток. — Несчастный. — Он хотел было кинуть диковинный кристалл о камни, разбить его булавой в мельчайшую пыль, но вдруг почувствовал, что физически не может этого сделать, что кристалл притягивает его, напрочь лишая воли. Он почувствовал легкое покалывание, будто во сне отлежал руку, а затем и все остальные мышцы тела.

А вслед за этим произошло необычайное: он вдруг явственно увидел, как сотни стражей, все, как один, похожие на мертвого Саида, обрушиваются на его поредевший отряд. Один за другим гибнут христианские воины. Но даже это не в силах остановить расвирепевших стражей: они продолжают рубить безостановочно, разбрасывая по земле окровавленные ошметки тел. Но горе не погибшим, горе выжившим. Нет муки, которую бы не испробовали победители на раненых франках и туркопилье.

— Нет! Нет! — крикнул он, вскакивая на ноги. Врагов рядом не было, воины и предводительствующий ими сэр Эдвард с опаской и недоумением глядели на него. — Уходим! Скорее!

Он и сам толком не понимал, отчего делает так, зачем кричит.

— Какубо, — он повернулся к бледному воину, — до возвращения в лагерь ты поведешь людей бедняги Генриха. Можешь не беспокоиться, мы не оставим его здесь, он будет похоронен с подобающими почестями как доблестный воин, павший за веру.

Японец одарил рыцаря мрачным пустым взглядом, затем молча вытащил из руки мертвого господина позабытый всеми стебель кристаллического цветка, сунул его за пояс, бережно подхватил мертвое тело Генриха Бекенстона и понес его прочь от проклятого лабиринта к нервно бьющему копытом боевому коню, почуявшему смерть хозяина.

— Я уйду, — оглянувшись, заявил он сэру Ричарду.

— Куда, зачем?! — Ричард от неожиданности поперхнулся. — Ты нужен мне!

— За спасение жизни я обещал хранить Генриха, подобно надежному щиту. Три года так и было. Но вот он мертв, а я жив. По нашим законам теперь я ронин, воин-самурай, утративший господина. Большой позор для самурая выйти живым из схватки, в которой пал его даймё. Теперь я должен уйти в тихое место и покончить с собой, вспоров живот. Но с тех пор как я принял вашу веру, она запрещает мне самолично прерывать дни постылой жизни. Потому я уйду. Вот это возьму на память. — Он вытащил из-за пояса темно-зеленый, цвета турмалина, по форме напоминающий палицу стебель каменного цветка. — Я буду просить Господа послать мне смерть. Это справедливо.

— Нет, несправедливо! — воскликнул сэр Ричард.

— Прости, я знаю это лучше тебя, — отрезал Фудзивара. — А напоследок хочу сказать: когда поднимался, я слышал разговор камня — шум от топота многих копыт. Сюда идет

подкрепление, большое подкрепление. Тебе бы стоило поспешить к графу Монтгомери. Этим сбродом, — он кивнул на туркопилье, — храмовую стражу не сдержать. Уходите, а я попробую отвлечь их. — Он запрыгнул в седло и поднял коня на дыбы.

Ричард разжал кулак и всмотрелся в черный лепесток. Он не понимал причины, но чувствовал, что не может с ним расстаться. Он не знал, что его уже выбрала судьба. Он не знал, что стоит в начале длинного и трудного пути, пути избавления мира от неведомого еще зла.

Отряд хранителей тайного храма прибыл на место схватки слишком поздно. Прибыл для того, чтобы оплакать гибель святилища и достойно похоронить мертвецов, дав их душам обрести новые тела для новой, светлой жизни. Труп Саида был без достойного погребения брошен в подземелье, никто из хранителей даже не коснулся его.

А что же Амина? В доме старого кади никогда больше не видели ее. Поговаривали, что спустя годы она стала женой знатного полководца. Другие же говорили, что ее взял в жены командир отряда храмовой стражи. Но все это были лишь слухи, не более того. Следы Амины потерялись, ибо на то была воля Аллаха, а возможно, и не только его.

Впрочем, осталась Книга...

Глава 1

Серебристый «Астон Мартин DBS», не сбавляя скорости, вписался в крутой поворот, и Бобби торжествующе поглядел на спутника. Тот поднял большой палец в знак восхищения лихостью вождения и возможностями автомобиля.

— Настоящий Джеймс Бонд! — Тайлер состроил физиономию крутого парня, отогнул средний и указательный пальцы, имитируя стрельбу из пистолета и сдувая воображаемый дым.

Бобби хмыкнул незамысловатой шутке друга. Его роскошный автомобиль был несомненным произведением искусства не только инженеров и дизайнеров этой марки автомобиля, но и исполнителя глубокого тюнинга. И было трудно сказать, кто из них потрудился больше над созданием этого шедевра.

— Да чего уж там, Бонд рядом с тобой — просто мелкий пижон. Как ты этих придурков уделал! Я даже кофе не успел купить, чтобы в свое удовольствие полюбоваться твоим очередным подвигом. Давай, признавайся — это он у тебя перенял манеру рассекать на «Астон Мартине»?

— Да ну тебя, пристал со своим Бондом! Надеюсь, ты в курсе, что это вымышленный персонаж?

— Да ты что?! То-то я смотрю, он себе время от времени рожи меняет: то на Шона Коннери похож, то на Пирса Броснана. Думал, это он для конспирации пластику лица делает. — Тайлер вновь состроил рожу, на этот раз показного глубокомыслия. — Но ты-то у нас настоящий! Мир спасаешь — как на работу ходишь. Ладно, ладно, не ходишь — едешь, — добавил он, заметив недовольную складку меж прочерченных шрамами бровей своего наставника. — Бобби, ну что ты хмуришься? Мы опять победили. Зло связано и оставлено на съедение белому и пушистому шерифу.

— Ты снова меня не послушал. Я тебе сказал, где стоять и как страховать. А ты только про кофе и думаешь.

— Так оттуда же было гораздо лучше видно! И у меня все было под контролем!

— Ладно, кончай балагурить.

— Все, уже закончил. Стоп, машина!

— В смысле — стоп?

— Поздно, уже проскочили. Теперь вон у тех кустов тормозни.

— Зачем?

— Странный человек, я же тебе сказал, кофе не успел купить, вот пивом затарился. Теперь оно рвется наружу.

— Ну ты умник. — Бобби Мардо нажал на тормоз. — А если тебе сейчас за руль?

— Если бы завтра было сегодня, то что было бы завтра? Во-первых, до следующего приступа у нас есть еще уж всяко не меньше двух дней. Тебя так часто не нахлобучивает. А во-вторых, пиво безалкогольное.

— А вдруг?

— Сейчас, погоди минуту, отолью и можешь отключаться.

Тайлер выбрался из машины и опрометью бросился к ближайшим кустам. Вскоре лишь его голова неподвижно торчала над листвой. Бобби отвернулся от приятеля, словно его взгляд мог того смутить, и с нежностью провел кончиками пальцев по красному дереву приборной

панели.

«Астон Мартин» был его «домашним любимцем». Совершенный от рождения, он был доведен в тюнинговой мастерской «Конюшня Боба Мардо» до состояния истинного произведения искусства. И всякому, кто сомневался, воспользоваться ему услугами знаменитой мастерской или нет, стоило лишь взглянуть на хозяйский «Астон Мартин». А уж тест-драйв так и вовсе был способен довести до экстаза любителя быстрых, мощных и в то же время комфортабельных автомобилей.

Время тянулось, мимо изредка проносились машины, и Бобби с удовольствием подмечал, как их водители с завистью глядят на его железного скакуна. Но обещанная минута сменилась второй, и третья канула в вечность, настала очередь десятой, а Тайлер все не возвращался.

— Да сколько же он там выпил?! — пробормотал Бобби и нажал на клаксон. А макушка Тайлера Логана все продолжала неподвижно торчать над кустами. — Что за ерунда? — Бобби вылез из машины и позвал друга: — Эй, все нормально?

Звук, раздавшийся в ответ, не содержал какой-либо внятной информации, но заставил хозяина «Астон Мартина» броситься вперед, позабыв даже закрыть машину. Это был то ли хрип, то ли стон отчаяния. Картина, представшая глазам Бобби Мардо, с одинаковой легкостью могла показаться смешной и устрашающей: посреди кустов с вываленным наружу «хозяйством» стоял детина шести футов трех дюймов ростом и, выпучив глаза, ловил ртом воздух, точно рыба, вынутая из воды.

— Что стряслось?! — встревоженно крикнул Бобби.

Тайлер дрожащей рукой указал на ветку чуть в стороне. На ней во флегматичной задумчивости грелся отдаленный потомок змея-искусителя, впрочем, не проявляющий к людям никакого интереса.

— Змея... — через силу выдавил Логан.

— Это вот? — Бобби с недоумением перевел взгляд с пресмыкающегося на хомо сапиенса. — Это крысиный полоз. При любом раскладе ты для него великоват. Тело данной особи серое с темными пятнами — значит, еще молодой. А ну, пошел! — Мардо резко шагнул к змее и махнул рукой. Та с недовольным шипением бросилась с ветки и скрылась в кустах.

— Она теперь где-то поблизости и, наверное, не одна, — опасливо предположил верзила, способный, казалось, ударом кулака заставить быка глубоко задуматься.

— Эй, Тайлер, очнись, приятель, ты все сделал?

— Все, — мрачно констатировал Логан, опасливо вглядываясь в траву.

— Ну, молодец, что не в штаны. А то б я тебя в машину не пустил, пришлось бы рядом бежать. Давай, парень, застегни ширинку и шевели ногами.

— Тут много змей, — пожаловался Тайлер. — Я чувствую.

— Не глупи. Если будешь стоять, меньше их не станет. Пошли.

Бобби схватил Тайлера за руку и поволок за собой. Рядом с верзилой Логаном он, коренастый широкоплечий крепыш, смотрелся чем-то вроде портового буксира, тянущего океанский лайнер. Спустя минуту машина тронулась с места, а еще через четыре секунды уже мчалась со скоростью сто километров в час.

— Вот я не пойму, — не глядя на все еще бледного соратника, бросил Мардо, — этой зимой ты получил Гран-при среди латентных самоубийц, взбирающихся по замерзшим водопадам. В прошлом совершил полет на мотодельтаплане в Гранд-каньоне. А до этого на парусной доске обошел едва ли не половину Бермудских островов. Я помню, как ты ножом

удедал серую акулу, которую нам затем подали в японском ресторане. А тут вдруг испугался крысиного полоза. Как, по-твоему, что он мог с тобой сделать? Посмотри на себя и на него — у него три фута от носа до хвоста.

— Ты не понимаешь, — закрыв глаза, прохрипел Тайлер и тут же напрягся: совершенную машину, послушную малейшему движению руля, явно заносило. — Эй! Эй! — Тайлер распахнул глаза. Его друг и наставник сидел, откинувшись в водительском кресле, сцепив зубы, голова его билась о подголовник, обтянутый черной кожей.

— Нет, не может быть!

«Астон Мартин» несло аккуратно на фуру, идущую по встречной полосе. Тайлер схватился за руль, и они разошлись бортами под гневный рев сигнала большегруза. Логану показалось, что он почувствовал в вонючем дыме выхлопа раскрашенной фуры сладковатый парфюм безглазой косильщицы.

— Да что ж такое?! Опять накрыло?! — Тайлер Логан отчаянно рулил с пассажирского сиденья, совершая невероятные обгоны. А нога Бобби продолжала давить на газ, и до педалей было не добраться.

— Вижу проход, — начал скороговоркой бормотать Мардо. — Там люди, все сидят... Эти двое, у них оружие...

— Бобби, убери ногу с газа! — стараясь докричаться до наставника, заорал Тайлер.

Машина, виляя, едва не врезавшись в перила, проскочила длинный мост.

— Они стреляют! — задыхаясь, выдавил из себя водитель. — Много раненых, есть убитые!

Позади них послышались звуки сирены.

— О, вот этого еще не хватало! У нас полиция на хвосте! — Наконец у Логана прояснились мозги, он дернул рычаг переключения передач на нейтральную скорость, и мотор взревел с полным газом на холостом ходу. А Тайлер уже изо всех сил тянул ручной тормоз на себя, одновременно выруливая на обочину. «Астон» заюлил, но удержался от заноса и через несколько долгих секунд остановился, прижавшись к обочине. Не успел Логан подумать, что в последнее время он уже начал привыкать к зашкаливающему адреналину в крови, позади их автомобиля, переливаясь огнями, будто новогодняя елка, остановился «Форд» с надписью «Полиция» на дверце.

— Всем оставаться в машине! — раздалось из динамика на крыше полицейского автомобиля.

— Всем, — недовольно хмыкнул Тайлер. — У нас тут что, автобус?

Бдительный полицейский, держа руку на увесистой армейской «беретте», подошел к серебристому автомобилю:

— У вас проблемы, парни!

— Так и есть, сэр, — Тайлер опустил стекло. — Моему другу стало плохо, — он указал на отключившегося Бобби.

— Алкоголь? Наркотики?

— Нет, нет, что вы?! Все чисто, можете проверить. Просто ему стало дурно.

— В такой машине — и перегрелся? Предъявите права.

Тайлер достал свои права и вытащил водительский документ из кармана друга.

— Надо успеть, — пробормотал тот. — Надо успеть.

Между тем бдительный страж порядка вытащил наладонник и начал проверять данные водителя и пассажира.

— Офицер, — попросил Тайлер, — когда вы убедитесь, что мы законопослушные граждане, прошу вас, помогите мне пересадить моего приятеля на пассажирское сиденье, а я поведу машину.

— Если он нездоров, я обязан вызвать врача.

— Сэр, я сам бакалавр медицины. У Бобби обморок кардиального генезиса. Такое часто наблюдается у больных с блокадой ножек пучка Гиса. Пока с кратковременной блокадой. Сейчас я сделаю ему поддерживающий укол. Но это лишь даст возможность протянуть еще час, не более. Моего друга нужно срочно доставить в больницу, пока блокада не стала полной.

Полицейский с уважением поглядел на верзилу, который ему менее всего казался подходящим на роль медика. А тот продолжал шпарить:

— Классический приступ Марганьи-Адамса-Стокса.

Блюститель порядка кивнул и протянул документы медику:

— Да, сэр, конечно.

Он наклонился к водительскому креслу, помогая вытащить Бобби.

— И прошу вас, офицер, передайте по трассе, что в машине больной, требующий немедленной госпитализации.

— Хорошо, сэр. Но только будьте осторожны.

— Я Тайлер Логан, чемпион Среднего Запада по гонкам «Кэмел трофи».

— Тем более, сэр.

Тайлер стартовал с места так, что полицейский лишь покачал головой и со вздохом передал по радиации, что на серебристом «Астон Мартине» транспортируется в больницу сопровождаемый врачом тяжелый пациент.

— Эй, Бобби, очухался?! — не сводя глаз с дороги, поинтересовался Логан.

— Да, уже немного отпустило. Только башка трещит, будто после запоя. — Мардо закончил растирать виски и полез в бардачок за таблетками. — Как-то быстро на этот раз накатило. Прежде такого короткого перерыва не было.

— Сейчас моментом домчим, ты, главное, прикинь, что это тебе привиделось. Может, тебе музыку включить? — Он потянулся к панели управления, и динамики взорвались гнетущей музыкой, как показалось Тайлеру, за миг до того, как он успел нажать кнопку включения.

В ту ночь Иосиф ангела услышал: — Буди младенца, выводи осла. Близка беда, предсказанная свыше: Царь Ирод в страхе и открыт для зла.

— встревоженно требовал задушевный тенор.

Бобби расстегнул ворот рубахи: на его мускулистой груди черной драконьей кровью пульсировал заточенный в серебряную клетку довольно большого размера кристалл, напоминающий лепесток цветка.

— Душно, воздуха не хватает.

— Кондер работает на всю, а окна открыть — мошкары наловим.

— Ловко ты его с этой медицинской терминологией.

— Ты что, все слышал? Если б я помнил еще, что все это означает.

— Так ты что, слегка приврал, что закончил университет?

— Признаюсь, было дело. Хотел выглядеть умнее. Отец хотел сделать из меня врача. Но дальше работы фельдшером на «Скорой» дело не пошло. Не подходит мне это.

— Ну ты даешь. Когда-нибудь с таким пофигизмом огребешь проблем на свои тыловые

части.

— Ладно, это все ерунда. Ты как, уже что-нибудь понял?

— Пока ничего.

Хор в динамике настойчиво требовал обратить внимание на слова тенора о ребенке и живом транспортном средстве.

— Я переключу?

— Нет, погоди. Может, это какая-то подсказка. Так, что я видел: люди сидят в проходе...

Что это может быть?

— Больница. Кто-то пришел в больницу и устроил стрельбу. Например, в отделение для ВИЧ-инфицированных.

— Нет, не так. Там была не расправа, а попытка ограбления. Какой-то дылда вмешался, получил в лоб пулю. Потом все и началось.

— Ограбление? Может, банк?

— Нет, люди сидели лицом друг к другу. И еще постоянное мелькание света.

— Слушай его! — требовал хор в динамиках. — Слушай его!

— Вот же разорались!

— Погоди, — Мардо остановил руку Тайлера у панели управления. — В этом что-то есть.

— Что в этом есть? Это ария из бродвейского мюзикла, ее на каждом углу сейчас крутят. О, может, это театр привиделся?

— Нет, опять же, сидят лицом друг к другу.

— Да они сейчас друг у друга в театрах на шее сидят. Это как бы творческий поиск.

— Стоп, я понял. Это метро: поезд движется в тоннеле, в окнах мелькает свет.

— О, уже легче.

— Кстати, мюзикл, из которого песня, — тоже «Метро». Значит, это подсказка. Понимаешь, Тайлер?

— Не очень. Может, все же совпадение?

— Никаких совпадений не бывает. Просто мы не всегда видим связи. Всякий раз так. Провидение словно тасует случайности и разговаривает с тем, кто способен понять его язык. А ну-ка, прижмись к обочине и достань планшет, нужно отыскать текст песни.

Тайлер без лишних разговоров лихо вывернул в «карман» шоссе, включил аварийку и привычным жестом вытащил «шпионский гаджет» из-за кресла Бобби. Выглядел он знатно — ударопрочный антрацитово-черный водонепроницаемый кейс, запуск по отпечатку пальца, напичканный замысловатыми инструментами стартовый экран. Конечно, это был обычный «Самсунг», но установленная на нем хакерская операционка и набор суперских программ давали владельцу массу особых преимуществ. Например, попробуйте найти тексты песен мюзикла в «Вольфрам Альфе», не говоря уже о «Гугле», — и вы поймете, что такое бестолковая железяка. Установленный на планшете фильтр с искусственным интеллектом секунд десять переваривал тысячи ответов «Гугл» и с первого раза выдал искомое. Что ж, было понятно, отчего каждый раз, пользуясь этой «игрушкой», Тайлер внутренне задирает нос от гордости.

— Так, что тут у нас? — Уже несколько пришедший в себя после жесткого приступа, Бобби стал просматривать текст. — Пустыня, солнце.

— Ну, это почти по месту, — прокомментировал Тайлер, глядя на раскаленный диск в зените.

— Тут метро нет.

— Кстати, какое метро имеется в виду? В Нью-Йорке больше четырехсот станций.

— Еще не знаю. Ты тоже смотри, тренируйся, чего в небо пялиться?

— Я не пялюсь, я думаю. Может, царь Ирод — намек на убийство ни в чем не повинных младенцев?

— Может, и так. Наши соотечественники по готовности постоять за себя — порой чистые младенцы.

— А порой грязные, — радостно оскалился Тайлер. — Особенно после ограбления, хоть памперсы меняй.

— Логан, перестань зубоскалить! Мы говорим о человеческих жизнях. Царь Ирод, царь Ирод...

— О! — Тайлер поднял вверх указательный палец. — Смотри, «Метро» — бродвейский мюзикл, а партию Ирода поет Джеймс Марбл.

— Бродвейский мюзикл? — задумчиво повторил Мардо. — Очень может быть. Тогда предположительно виденное мной преступление состоится в Нью-Йорке на Бродвей-Лейн, станция «Марбл-Хилл»? Как думаешь?

— А бог его знает!.. Хотя похоже, что провидение на что-то подобное нам намекает.

— А что по времени?

— Представления не имею. Хотя мы услышали песню со слов «Буди младенца». Так что, возможно, речь идет о темном времени суток. Это что же, до ночи сидеть на платформе, ждать у моря погоды?

— Расслабься. Сквозь закрытую дверь не слышен шепот, если провидение желает нам помочь, оно поможет. Как говорится: «Напрягшись, ты способен увидеть песчинку. Но, только расслабившись, услышишь Вселенную».

Старенький, не слишком презентабельный «Форд Сиерра» стоял неподалеку от Бродвейского моста. Проходившие мимо местные жители, скользнув взглядом по автомобилю, могли заметить плохо покрашенные вмятины на его бортах, треснувшую фару. Когда стемнело, они и вовсе перестали интересоваться потрепанной колымагой. Тем более что тонированные стекла скрывали от любопытных взглядов находившихся в салоне людей.

Возможно, среди местных жителей были те, кто промышлял разборкой автомобилей, но вряд ли даже им этот подержанный «Форд» показался бы хоть сколько-нибудь привлекательным. Они бы очень удивились, узнав, что эта колымага является не меньшей гордостью владельца автомастерской Боба Мардо, чем его шедевральный «Астон Мартин».

Не говоря уже о бронировке, знатно усиленном движке и подвеске, автомобиль был густо обвешан микрофонами и камерами внешнего наблюдения, которые вели постоянную запись. Лобовое стекло «Форда» могло играть роль огромного монитора, но было выключено, чтобы не привлекать внимания. Приходилось довольствоваться просмотром изображения на планшете, но это тоже было удобно, так как специальная программа давала знать, когда появлялось что-то интересное, очищала звук от «примесей» и по желанию оператора меняла освещение наблюдаемого объекта. Можно было ясно видеть и слышать все, что происходило вокруг, на добрую сотню ярдов.

Уже давно стемнело, однако на планшете люди были видны не хуже, чем в солнечный полдень.

— Бобби, ты уверен, что сможешь их опознать? — разглядывая спешащих на поезд

обитателей Бронкса, поинтересовался Логан.

— Мы сделаем все, что возможно, — уклончиво ответил хозяин автомобиля. — Разглядеть удалось немного: два преступника, один верзила в зеленой кепке. Но это мясо, прикрытое. Мозг у них — второй, он помельче, но подвижный как ртуть, весь на шарнирах. У того на запястье татуировка в виде угрожающей очковой кобры.

— Эти из группировки *Reyes serpientes*. Преимущественно мексиканцы, но есть и костариканцы. Их в Бронксе сотни, если не тысячи. Балуются рэкетом, приторговывают оружием, пасутся вокруг порта и пытаются высадить из сферы контрабанды...

— Постой, — Бобби Мардо перебил содержательный экскурс в область бытописания молодежных банд Нью-Йорка, — вон идут: верзила, как мне и привиделось, в зеленой кепке и латинос на шарнирах.

— Хорошо идут, — мигом сконцентрировался Тайлер. — У верзилы что-то под курткой сзади, — он провел указательным пальцем по глади замечательного «шпионского» планшета, за который в свое время пришлось отвалить немалую сумму, и послушная жесту Логана картинка увеличилась, продолжая удерживать в поле зрения движущийся объект. — Видишь, при шаге куртка начинает топорщиться чуть выше пояса. У второго скрытая кобура под правой рукой. Он все время пытается ее немного придержать. Должно быть, китайская дешевка с двойным крепежом.

— Действуем! — коротко скомандовал Бобби. — Я беру на себя верзилу, ты — этого крученого. Но только чтоб без пыли. Сам знаешь, если зло уже их обуяло — никаких тормозов больше нет, вмиг начнут палить.

— Ладно, ладно, Боб, не в первый раз. Подходим по одному. — Тайлер вставил в ухо едва заметную ракушку динамика. — Жду твоего сигнала.

Мардо обогнал его на десяток шагов, поднес к лицу руку, точно желая почесать переносицу, тихо проговорил в скрытый микрофон:

— Хранитель вызывает стажера. Проверка связи.

— Я — стажер, — послышалось в ответ в его ухе. — Слышу громко и чисто.

— Объект держу. — Мардо ускорил шаг.

Бобби поправил ладонью прическу, бормоча себе под нос:

— Направляются на платформу в сторону 215-й стрит.

— Понял, сейчас буду на месте, — послышался в горошине беспроводного наушника голос Тайлера.

— Сядут, вероятно, в первый вагон, чтоб потом уйти на рывке.

— Да я понимаю, что ты мне рассказываешь? Блин, ты посмотри, какая тут красotka!

— Логан, о чем ты думаешь?! — возмутился наставник.

— О чем? О теле, в смысле, о деле. Все ж под контролем! Сейчас только имя узнаю...

Он начал стремительно догонять молоденькую рыжеволосую девушку в очках с оранжевой, под цвет яркой гривы, сумочкой-клатчем под мышкой. Поравнявшись с незнакомкой, Тайлер склонился к ее уху и прошептал драматическим шепотом:

— Я вас не выдам.

Девушка отпрянула, недоуменно хлопая глазами:

— Вы кто такой? Вы о чем?

— Только что с небес пришла информация: сбежал ангел, все приметы сходятся. Но можете быть спокойны, это останется между нами. И, надеюсь, не только это.

— Отстаньте! — рыжеволосая недовольно оттолкнула нахала. Тот чуть отшатнулся,

задевая вертлявого юнца в синей куртке.

— Смотри, куда прешь, Белоснежка! — сквозь зубы процедил тот, яростно сверкая темными мексиканскими глазами. — Или ты хочешь, чтобы мамочка получила тебя сегодня по частям?! — Латинос вскинул руку в угрожающем жесте, обнажая запястье.

— Нет, нет, что вы?! Я случайно! — стараясь изобразить на лице испуг, залепетал Тайлер Логан. Оглянувшись на него, девушка презрительно фыркнула.

— Ну все, клоп мескалиновый, — отворачиваясь, чуть слышно процедил крупногабаритный стажер. — Если у меня с этой девчонкой не срастется...

Он не успел додумать мысль, в динамике раздалось:

— Доложи обстановку.

— Объект наш — зрачок расширенный и полностью черный, пульс явно ускоренный.

— Хорошо. Работаем. Только без фанатизма.

— Тут уж как получится, — будто закашлявшись, пробормотал Логан.

Дверь с тихим шипением закрылась, поезд тронулся с места и вскоре уже был на Бродвейском мосту. Сквозь окна из ночной тьмы в вагон яркими сполохами врывались огни никогда не спящего города.

— Внимание, — раздалось в наушнике Тайлера, — клиенты изготовились. Начинаем.

Однако для начала уже не требовалось особых распоряжений. Латинос в синей куртке вдруг резко повернулся, отбрасывая полу своей верхней одежды, и стремительно вскинул руку с зажатым в кулаке «вальтером» ППК.

— Никому не двигаться! — заорал он. — Одно движение — отстрелю голову. Держи их на прицеле. Деньги, украшения, часы — в шапку!

Его напарник стянул с головы зеленую кепку, затем, словно вспоминая, что тоже вооружен, попытался сунуть руку за спину, нащупывая где-то в районе поясницы рукоять торчавшего за брючным ремнем пистолета. Но не успел. А его подельнику уже было не до того.

— Ты что, сука, не слышала?! — завопил латинос, наводя «вальтер» на рыженькую. — Гони бабки!

— Ну все! — выдохнул Тайлер и едва заметным резким движением наступил на ногу грабителю.

Тот взвыл от боли и попытался обернуться к обидчику. Но, едва он увел ствол от цели, Тайлер перехватил оружие за затворную раму, крутанул, ломая палец на спусковом крючке и вырывая смертоносную игрушку из рук несмышлениша.

— Да ты!..

Преступник не успел договорить. Верхняя грань рукояти врезалась ему в переносицу, и в тот же миг локоть Тайлера Логана в развороте обрушился на челюсть вертлявого, снося его наземь.

— Нокаут, — констатировал Тайлер, заламывая поверженному врагу руки, обматывая вокруг них витой кевларовый шнур, пропуская его вокруг горла у самого кадыка. Теперь малейшая попытка дернуться, не то что встать, привела бы незадачливого грабителя к самоудушению.

А совсем рядом таким же шнуром, заканчивавшимся свинцовыми грузилами, упаковывал своего клиента Бобби Мардо. Получив удар в коленный сгиб, тот осел и тут же опрокинулся лицом в пол, но уже с вывихнутой в плечевом суставе рукой. Он так и не успел понять, что произошло. Впрочем, как и все остальные пассажиры. Рядом с налетчиком

сиротливо лежал его армейский «кольт» 1911. Соучастник неудавшейся попытки ограбления рычал и пытался разорвать узел, стягивающий запястья.

— Я же просил без фанатизма, — накинудся на ученика Мардо.

— Прости, я спешил, надо было помочь мисс... Простите, как ваше имя?

— Джессика, — пролепетала рыженькая.

— Вот, мисс Джессике. Мисс, у вас, похоже, посттравматический стресс, вам нужен доктор, и лучше меня вам не найти. Скорей диктуйте телефон.

— 555...

— Да это же «рыболовы»! — воскликнул кто-то из пассажиров.

— Сэр, прошу вас, останьтесь на своем месте! — тоном, исключаящим желание вступить в спор, рявкнул Боб Мардо. — На станции мы выйдем. Когда поезд тронется, вызовите полицию по переговорному устройству.

Поезд начал торможение перед 215-й стрит.

— Порядок, я все запомнил, — между тем продолжал Тайлер Логан. — Не сомневайтесь, в скором времени я приду к вам на помощь.

— Эй, потом придешь! — окликнул его Боб. — Исчезаем!

Небо синее-синее, кажется, будто весь мир утонул в этой синеве. Шумящий за пальмовой рощей Нил где-то там, в своих верховьях, должно быть, вытекает из этой небесной сини и уже потом, в землях отца, разбиваясь на множество потоков Дельты, впадает в Срединное море.

Сетх-Ка, второй сын земного воплощения светозарного Гора, прикрыл глаза и всем телом ощутил, как яркое небесное око обжигает землю нестерпимым жаром. Полуденный зной заставлял все живое прятаться в спасительную тень.

Здесь, под грациозными, будто танцовщицы, финиковыми пальмами, было тихо и радостно, заливались привезенные из-за дальнего моря птицы, священные кошки Бастет разгуливали, гордо подняв хвосты, ежеминутно норовя потереться о дремлющего принца. А то и вовсе, знаменуя любовь богини, улечься на грудь юноше. Сетх-Ка такое проявление божественного внимания только радовало.

Он вообще любил четвероногую живность, впрочем, не менее, чем птиц, в которых и вовсе души не чаял. Сетх-Ка готов был часами следить за неспешным парением соколов и стремительным чирканьем крыльев юрких стрижей, за порханием колибри и тяжелым полетом зобатых пеликанов, силясь постичь невероятную очевидность, мечтая вот так же воспарить над долиной Нила, полюбоваться величию земель, объединенных под рукой его отца.

Увы, высокое происхождение требовало от него совсем иного. Вот сейчас, лишь спадет нестерпимый жар, ему следует отправляться вместе с отцом на смотр лучников Элефантины. Конечно, принц, что бы он там себе ни мечтал, обязан быть военачальником, ибо чем сильнее его армия, чем больше соседи боятся грозной поступи его воинства, тем прочнее мир в благословенных землях божественного воплощения Гора.

Стройные пальмы слегка покачивались, Осирис щедро одарил сегодняшней день спасительным легким ветром, надувающим папирусный парус божественной ладьи и дарующий великодушно спасение от зноя всему живому. Солнечные лучи, то исчезая, то вновь появляясь в просвете широких опахал пальмовых листьев, скользили по лицу Сетх-Ка, настойчиво пытаясь забраться под ресницы, но молодой принц лишь крепче жмурил глаза.

— Вставай, никчемный лежебока, бейся и умри, как подобает мужчине! — раздался над его головой властный окрик. Спящая на груди младшего сына повелителя Египта священная кошка Бастет от неожиданности вскочила на все четыре лапы, выгнула спину, подняла хвост трубой, изображая крайнее негодование, но затем бросилась наутек, должно быть, опасаясь непочтительности со стороны подошедшего. Сетх-Ка знал этот голос и понимал, что последует, если он не откликнется на столь неучтивый вызов. А потому, не заставляя себя упрашивать, он тут же перекатился в сторону, резко подтянул колени к груди и выпрямил их, прыжком становясь на ноги.

Юноша, стоявший перед ним, был ненамного старше, но мускулатура атлета и гордая стать его сделали бы честь взрослому мужчине. Жесткая повадка и манера двигаться выдавали в нем опытного бойца, любящего схватку и пьянеющего от вкуса победы. Сетх-Ка тоже никто в здравом уме не назвал бы хлипким, но все же до могучего противника ему было далеко. Однако выбирать младшему сыну фараона не приходилось.

Не теряя времени, он тут же атаковал, стараясь прийтись в ноги силачу, обхватить его

под колени, толкнуть плечом и опрокинуть на спину. Но не тут-то было: едва его ладони коснулись противника, тот будто обручем зажал его поперек живота и, прогнувшись, подобно многоцветному призрачному мосту Ра, перекинул через себя. Другой поединщик, вероятно, распластался бы мертвой лягушкой на песке, но юного принца Сетх-Ка обучал самый лучший из наставников, живущих под небесной синью. Он ушел в кувырок и снова оказался на ногах, горя желанием победить. А противник был уже рядом. Подобно льву, он бросился на Сетх-Ка, ладонью правой руки, будто крюком, быстро обхватил затылок, с силой хлопнул, чтобы лишить принца ориентации в пространстве. А второй рукой попытался было схватить за предплечье, чтобы провести болевой прием. Однако младший сын фараона легко разгадал этот замысел и, хотя от удара мир на мгновение поплыл перед его глазами, скользнул вбок, ухватывая нападавшего за пояс, чтобы перевернуть, опрокинуть и навалиться сверху. Удайся ему этот бросок — и победа осталась бы за ним. Но Сетх-Ка не успел. Не успел самую малость, однако в бою никто не признает «почетного второго места». Силач обхватил рукой голову Сетх-Ка для нерушимости захвата, будто замком сжал запястье правой руки своей левой и начал давить изо всех сил, заставляя принца, выпучив глаза от боли, упасть на колени.

— Все, брат, все, ты победил, — прохрипел младший сын фараона. — Отпусти.

— Это было несложно. — На губах Ба-Ка, наследника живого воплощения Гора, скользнула насмешливая ухмылка. — Это было все равно что одолеть храмовую танцовщицу. Надо спросить у жрецов, почему тебя посвятили Сетху. Разве ты молния? Разве ты воин? Тебе бы все играть с козочками да ягнятами. Я бы сказал, что Сетх забыл о тебе, если бы думал, что он хоть когда-то помнил о таком недоразумении, как ты, неженка. Тебя следовало посвятить Анат, богине утренней росы, журчащих источников и всякой живности. Что с того, что она не мужчина? Ты ведь тоже похож на своего божественного покровителя, как робкая цапля на страшного сокола Гора. Впрочем, и Анат может быть воительницей, а ты... Зачем отец подарил тебе лук и стрелы? Ты только и способен, что пускать их в стоящие глиняные фигуры, да и то в безветренную погоду. Лучшим подарком для тебя было бы веретено, дорогой младший брат.

Сетх-Ка слушал, понурившись: он был проигравшим и запросил пощады, а значит, просто обязан был выслушивать насмешливые речи победителя. Конечно, на самом деле брат так не думает, но он доказал силу и ловкость и теперь демонстрирует свите, кто здесь господин и повелитель.

— Ничего, ничего, — продолжал Ба-Ка, — играй со своими зверушками. Может, хоть так девушки обратят на тебя внимание — примут за своего. Страшно подумать, если вдруг после восшествия на престол со мной что-то случится и ты станешь править страной. Что станет с божественной державой?

— Брат, я не желаю думать, что с тобой может случиться что-то плохое, — Сетх-Ка поднял взгляд на победителя.

— Кто поверит словам!

— Ты же знаешь, я никогда и никого не обманывал.

— А это главная уловка! Тот, кто никогда не обманывал в мелочах, часто таит большее вероломство, чем открытый лжец.

— Это не обо мне, — оскорбился Сетх-Ка. — Власть не привлекает меня.

Ба-Ка задорно рассмеялся, и его спутники, молча стоявшие в некотором отдалении от сыновей фараона, рассмеялись вслед за ним, хотя и не слышали негромких слов младшего

принца.

— Это ты смешно сказал, — оскалился Ба-Ка. — Ну а положим, я поручу тебе править одним из номов?

— Прошу тебя, брат, не делай этого! Твое повеление было бы для меня пыткой, страшнейшим из ночных кошмаров. Я не создан, чтобы править. Тайны жизни и смерти, тайны растущего и исчезающего, язык всего живого — вот что истинно занимает меня. Я верен отцу и склоняю голову перед тобой как перед старшим. Но если будет мне задан вопрос, чего в этой жизни я желаю больше всего на свете, я честно отвечу — постигать истину и уменьшать боль всего живого. Жреческая мудрость привлекает меня. Наш учитель Ур Маа видит во мне немалые способности, и если со временем я смогу, как и он, стать жрецом Тота...

Выражение лица Ба-Ка стало из глумливо-насмешливого высокомерно-жестким.

— Ты лжешь, брат! Ты, как змея у ног льва, извиваешься, прячешься в песке, стараешься казаться ничтожным, ибо знаешь, что одного движения когтистой лапы хватит, дабы растерзать тебя. Но о чем бы ты ни шипел, стараясь усыпить мою бдительность, я знаю: ты поджидаешь лишь мгновения, чтобы ужалить, пустить яд и устроиться на труп повелителя зверей поближе к солнцу. Знай, что бдительность моя неусыпна, и стоит тебе хоть на миг показать жало, кара моя будет моментальной и решительной. Но пока живи. Я расскажу отцу, что ты желаешь стать жрецом, и надеюсь, он будет добр к тебе. А сейчас приведи себя в порядок, нас ждут в храме Исиды.

Бык ступал тяжело, наклонив лобастую голову, выставив вперед длинные острые рога. Два могучих нубийца вели его, с трудом удерживая кольцо, вдетое в нос жертвенного зверя. На шее животного красовалось тяжелое деревянное ярмо, которое было обвязано крепчайшими веревками, и дюжина храмовых рабов держала их, опасливо поглядывая на обреченного быка. Общее возбуждение передавалось ему: он шел, мотая головой, гневно фыркая и глядя на собравшихся налитыми кровью глазами. Рабы то и дело изо всех сил тянули веревки, стараясь удержать рвущееся на волю животное. Но бык, словно не чувствуя боли, все тянул и тянул.

Великий фараон, повелитель Верхнего и Нижнего Нила, в урее, увенчанном атакующей коброй, с регалиями власти в руках сидел на золотом блистающем троне, созерцая шествие. Оба его сына стояли близ трона впереди толпы жрецов и повелителей номов, прибывших в роскошный Мемфис на ежегодный обряд поклонения Исиде, дарительнице жизни, супруге вечно живущего, вечно юного Осириса — едва ли не самый важный обряд этого времени года. Как было известно каждому, от того, примет ли Исида принесенную ей жертву, зависит, станет ли год удачным, будет ли богатым урожай, не налетят ли несметные полчища саранчи, не придут ли из-за моря или дальних верховий Нила свирепые дикари и много-много еще чего, касающегося каждого жителя страны.

Пока что предзнаменование не радовало: жрецы недовольно качали головами, глядя, как упирается бык. Исида будто отвернулась от своего народа и не желала принимать животное, выращенное специально для нее на самых тучных пастбищах страны. Великолепное животное, ни единого черного волоска!

Неужели богиня была чем-то или кем-то обижена? Фараон сидел мрачный, будто грозовая туча, хотя изо всех сил пытался не подавать виду. Ведь для всех без исключения собравшихся он — живое воплощение Гора — обладает достаточной властью, чтобы смирять людей и животных. Или же не обладает?.. Тогда по праву ли он занимает лучезарный трон?

[Купить полную версию книги](#)